Остров Камино

Автор:
Джон Гришэм

Остров Камино

Джон Гришэм

Гришэм: лучшие детективы

Ограблена библиотека Принстонского университета! Похищены бесценные рукописи Фрэнсиса Скотта Фицджеральда… Полиция и ФБР – в тупике. И тогда нанятое страховой компанией частное детективное агентство, специализирующееся на розыске краденых предметов искусства, начинает собственную охоту на похитителей.

След исчезнувших рукописей тянется на курортный островок Камино у побережья Флориды, где живет знаменитый антиквар и библиофил Брюс Кэйбл и компания его друзей-писателей. Туда-то детективы и подсылают своего «крота» – начинающую писательницу Мерсер Манн.

Но удастся ли ей, никогда прежде не участвовавшей в расследованиях, вычислить таинственного преступника?

Джон Гришэм

Остров Камино

John Grisham

CAMINO ISLAND

Серия «Гришэм: лучшие детективы»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Gernet Company и Andrew Nurnberg.

© Belfry Holdings, Inc., 2017

© Перевод. В. В. Антонов, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Это художественное произведение. Имена, персонажи, события и местности являются либо вымышленными, либо носят условный характер. Любое сходство с реальными людьми, как живыми, так и покойными, а также с событиями и местом действия совершенно случайно.

Посвящается Рене

С благодарностью за сюжет

Глава 1

Ограбление

1

Злоумышленник выдал себя за Невилла Манчина, который действительно преподавал американскую литературу в Портлендском университете штата Орегон и собирался защитить диссертацию в Стэнфорде. В письме на искусно подделанном бланке колледжа «профессор Манчин» сообщал, что является преданным поклонником Скотта Фицджеральда и очень хотел бы увидеть «рукописи и бумаги» великого писателя во время своей предстоящей поездки на Восточное побережье. Письмо было адресовано д-ру Джеффри Брауну, руководителю отдела рукописей Департамента редких книг и специальных коллекций Библиотеки Файрстоуна Принстонского университета. После надлежащей сортировки всей поступающей корреспонденции оно в конечном итоге попало на стол младшего библиотекаря Эда Фолка, в обязанности которого среди прочих рутинных занятий входила проверка личности отправителей писем.

Подобные письма от самопровозглашенных знатоков и экспертов по Фицджеральду, а иногда и от серьезных ученых поступали к Эду каждую неделю. В предыдущем календарном году он удостоверился в полномочиях и разрешил доступ 190 таким просителям. Они приезжали с самых разных уголков мира, и все держались восторженно и почтительно, будто паломники перед святыней. За тридцать четыре года работы на этом месте Эд делал запросы по каждому из них. И их не становилось меньше. Скотт Фицджеральд по-прежнему продолжал вызывать живой интерес. Поток просителей оставался таким же интенсивным, что и три десятилетия назад. Правда, сейчас Эд все чаще задавался вопросом, что еще может оставаться в жизни великого писателя, что не было бы изучено самым тщательным образом и описано в мельчайших подробностях. Недавно один серьезный ученый сказал Эду, что в настоящее время не менее ста книг и более десяти тысяч научных статей рассказывают о Фицджеральде как человеке и писателе, а также его творчестве и сумасшедшей жене.

А в сорок четыре года Фицджеральд допился до смерти. А что, если бы он дожил до старости и продолжал писать? Тогда бы Эду потребовался помощник, может, даже два, а то и целый штат. С другой стороны, Эд отлично знал, что ранняя смерть нередко являлась ключом к последующему признанию (не говоря уже о повышенных гонорарах).

Через несколько дней Эд наконец добрался до профессора Манчина. Сверившись с регистрационным реестром библиотеки, Эд быстро выяснил, что этот человек раньше не обращался и направил запрос впервые. Кое-кто из ветеранов посещал

Принстон так много раз, что мог уже просто позвонить ему по телефону и сказать: «Привет, Эд, я приеду во вторник на будущей неделе». Эд не имел ничего против. Но с Манчином дело обстояло иначе. Эд зашел на сайт Портлендского университета штата Орегон и нашел на нем просителя. Тот получил степень бакалавра по американской литературе в Университете штата Орегон, степень магистра в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе и уже три года занимал должность адъюнкт-профессора. На фотографии был изображен невзрачного вида мужчина лет тридцати пяти в узких без оправы очках и с недавно отпущенной бородкой.

В своем письме профессор Манчин просил ответить ему по электронной почте и сообщал личный электронный адрес. Объяснял он это тем, что редко проверял свой университетский адрес. Эд подумал: «Это потому, что ты просто скромный адъюнкт-профессор, у которого, наверное, даже нет своего кабинета». Подобные мысли посещали его нередко, но он, будучи профессионалом, ни с кем, конечно, ими не делился. Ответ на всякий случай он направил на следующий день через сервер Портлендского университета. Поблагодарив профессора Манчина за обращение, Эд пригласил его в университетский городок Принстона. Он попросил также сообщить примерное время приезда и изложил несколько основных правил работы с коллекцией Фицджеральда. Поскольку этих правил было много, он предложил профессору Манчину ознакомиться с ними полностью на сайте библиотеки.

Ответ Эду был направлен автоматом, и в нем сообщалось, что в данный момент Манчин находится в отъезде и будет отсутствовать несколько дней. Один из подельников Манчина взломал сайт Портлендского университета, а вмешаться в работу сервера электронной почты факультета английского языка для опытного хакера не представляло никакой сложности. О том, что Эд ответил, хакеру и самозванцу стало известно сразу.

«Все как всегда», – подумал Эд. На следующий день он отправил такое же сообщение на личный адрес электронной почты профессора Манчина. Через час Манчин отозвался. Рассыпавшись в благодарностях, он написал, с каким нетерпением ждет предоставленной возможности посетить библиотеку, и все такое. Он подробно рассказал, как изучил сайт библиотеки, как много часов провел с цифровыми архивами Фицджеральда, как много лет владеет многотомными сериями факсимильных изданий первых рукописных черновиков автора и что особый интерес для него представляют рецензии на первый роман «По эту сторону рая».

«Потрясающе», – подумал Эд. Со всем этим он уже не раз сталкивался. Парень пытался произвести на него впечатление еще до своего приезда, что было в порядке вещей.

2

Фрэнсис Скотт Фицджеральд поступил в Принстонский университет осенью 1913 года. В шестнадцать лет он мечтал написать великий американский роман и действительно начал работать над ранней версией «По эту сторону рая». Он оставил учебу четыре года спустя, чтобы поступить на военную службу и отправиться на войну, но она к тому времени закончилась, и попасть на фронт ему так и не довелось. Его классический роман «Великий Гэтсби» был опубликован в 1925 году, но стал знаменитым только после смерти автора. Фицджеральд всю жизнь испытывал финансовые трудности, и к 1940 году работал в Голливуде, штампуя плохие сценарии и страдая от проблем как со здоровьем, так и в творческом плане. 21 декабря он умер от сердечного приступа, вызванного многолетним пьянством.

В 1950 году Скотти, его дочь и единственный ребенок, передала оригиналы рукописей, заметки и письма – его «бумаги» – Библиотеке Файерстоуна Принстонского университета. Все пять его романов были написаны от руки на дешевой бумаге, которая плохо сохранялась. В Библиотеке быстро поняли, что позволять исследователям работать непосредственно с рукописями было неразумно. Тогда изготовили высококачественные копии, а оригиналы поместили в защищенное подвальное хранилище, где воздух, свет и температура тщательно контролировались. На протяжении многих лет рукописи извлекали всего лишь несколько раз.

3

Человек, выдававший себя за профессора Невилла Манчина, прибыл в Принстон в чудесный осенний день в начале октября. Его направили в Департамент редких книг и специальных коллекций, где он встретился с Эдом Фолком, а тот затем передал его своему коллеге, который изучил предъявленные водительские права штата Орегон и снял с них копию. Конечно, права были фальшивыми, но подделаны на редкость искусно. Их изготовитель, являвшийся еще и хакером, прошел подготовку в ЦРУ и долгое время работал в темном мире

частного шпионажа. Преодолеть систему безопасности кампуса ему не составило особого труда.

После того как профессора Манчина сфотографировали, ему вручили пропуск, который должен был постоянно находиться на виду. Помощник библиотекаря проводил его на второй этаж, где в большой комнате с двумя длинными столами вдоль стен располагались запертые выдвижные стальные ящики. В углах под потолком Манчин заметил четыре камеры наблюдения. Он подозревал, что имелись и скрытые камеры, которые были хорошо замаскированы. Он попытался поговорить с помощником библиотекаря, но выяснить удалось немного. Манчин в шутку поинтересовался, может ли он увидеть оригинал рукописи «По эту сторону рая», на что служащий лишь самодовольно усмехнулся и заверил, что нет.

– А вам самому доводилось видеть оригиналы? – поинтересовался Манчин.

– Только однажды.

Убедившись, что помощник библиотекаря не намерен ничего добавлять, Манчин снова спросил:

– А по какому случаю?

– Один знаменитый ученый хотел на них посмотреть. Мы проводили его в хранилище и показали. Правда, притронуться к самой рукописи ему не позволили. Это разрешается только старшему библиотекарю, причем обязательно в специальных перчатках.

– Да, конечно. Что ж, пора приступить к работе.

Служащий отпер два больших ящика с надписями «По эту сторону рая» и вынул из них толстые, негабаритные папки, пояснив:

– Тут собраны рецензии на книгу, которые вышли после первой публикации. У нас имеется подборка и множество других, более поздних рецензий.

– Отлично! – улыбнулся Манчин.

Он открыл портфель, достал блокнот и изобразил готовность немедленно приступить к изучению содержимого папок. Спустя полчаса, видя, что Манчин с головой ушел в работу, помощник библиотекаря извинился и удалился. Помня о камерах, Манчин ни разу не поднял глаз. В конце концов, он решил, что пора наведаться в туалет, и вышел. Пару раз, повернув не в ту сторону, он потерялся и поплутал по коридорам специальных коллекций, стараясь никому не попадаться на глаза. Камеры наблюдения были повсюду. Он сомневался, что в данный момент кто-то следил за его передвижениями, но, если понадобится, записи всегда могли просмотреть. Он нашел лифт, но не стал им пользоваться и спустился по лестнице. Этаж ниже был похож на первый, а еще один лестничный пролет вел к П2 (подвал 2) и упирался в массивную дверь с выведенной жирными буквами надписью «Вход воспрещен!». Рядом с дверью располагалась цифровая панель, и еще одна надпись предупреждала, что если дверь будут пытаться открыть «без надлежащего разрешения», то раздастся сигнал тревоги. На дверь и пространство вокруг нее смотрели две камеры.

Манчин развернулся и направился по ступенькам назад. Войдя в рабочее помещение, он увидел ожидавшего его помощника.

– Все в порядке, профессор Манчин? – спросил тот.

– Да. Боюсь, что у меня слегка расстроился желудок. Надеюсь, это не заразно.

Служитель немедленно ретировался, и Манчин провел в библиотеке весь день, копаясь в материалах из стальных ящиков и читая старые рецензии, до которых ему совершенно не было дела. Несколько раз выходил, приглядывался, изучал расположение, прикидывал и запоминал.

4

Манчин вернулся через три недели и больше не выдавал себя за профессора. Он был чисто выбрит, перекрашен в блондина, носил очки в красной оправе со стеклами без диоптрий, а при себе имел фальшивый студенческий билет с фотографией. Если бы кто-то начал задавать вопросы, что было весьма маловероятно, то он бы выдал себя за аспиранта из Айовы. В реальной жизни его звали Марк, и его «специальностью», если можно так выразиться, было профессиональное воровство. Высокодоходные, тщательно спланированные, первоклассные ограбления, целью которых являлись предметы искусства и

редкие артефакты для последующей перепродажи за выкуп безутешным владельцам. Он был членом группы из пяти человек, возглавляемой Дэнни – бывшим армейским рейнджером, переквалифицировавшимся в преступника, когда его выгнали из армии. До сих пор Дэнни – как и Марк – не попадался в руки полиции и не имел судимости. Однако про двух других такого сказать было нельзя. Трэй дважды получал срок и дважды совершал побег, последний – год назад из федеральной тюрьмы штата Огайо. Именно там он встретил Джерри – мелкого похитителя произведений искусства, находившегося в настоящее время на УДО. А о рукописях Фицджеральда Джерри впервые услышал от своего сокамерника, который отбывал большой срок за кражу произведений искусства.

Объект был идеальным. Всего пять рукописей, все находились в одном месте и для Принстона являлись бесценными.

Пятый член команды предпочитал работать из дома. Ахмед был хакером, изготовителем фальшивок, творцом всех надувательств, но слишком труслив для личного участия в совершении преступления. Он работал из своего подвала в Буффало, его ни разу не ловили и не задерживали. Он не оставлял никаких следов. Доля Ахмеда составляла пять процентов от общей добычи, а остальное члены команды делили между собой поровну.

К девяти вечера во вторник Дэнни, Марк и Джерри находились в Библиотеке Файрстоуна, выдавая себя за аспирантов, и смотрели на часы. Их поддельные студенческие билеты сработали отлично и ни у кого не вызвали подозрения. Дэнни спрятался в женском туалете на третьем этаже. Заперев дверь в кабинку, он поднял панель в потолке над унитазом, засунул в отверстие свой студенческий рюкзак и провел в ней несколько часов душного и тесного ожидания. Марк взломал замок на двери в главный машинный зал на первом уровне подвала и подождал, не включится ли сигнал тревоги. Ничего подозрительного он не заметил, как и Ахмед, легко проникший в систему безопасности университета. Марк приступил к демонтажу топливных форсунок резервного электрогенератора библиотеки. Джерри укрылся в кабинке для занятий, заставленной стеллажами с книгами, к которым никто не прикасался десятилетиями.

Трэй, одетый как студент, слонялся по кампусу с рюкзаком, подбирая удобные места для своих бомб.

Библиотека закрылась в полночь. Все члены команды, включая Ахмеда в подвале в Буффало, поддерживали радиосвязь. В 00:15 руководитель группы Дэнни объявил, что все идет по плану. Через пять минут Трэй, одетый как студент, и с громоздким рюкзаком в руках, вошел в находившийся в центре кампуса колледж Маккаррена, где располагалось общежитие. Убедившись, что камеры наблюдения по-прежнему находятся на тех же местах, что и неделю назад, Трэй поднялся по лестнице, где камер не было, на второй этаж, проскользнул там в туалет и заперся в кабинке. В 00:40 он вытащил из рюкзака жестяную банку размером с пол-литровую бутылку содовой. Включив пусковое устройство замедленного действия, он спрятал дымовую мину за унитазом, после чего вышел из туалета, поднялся на третий этаж и установил еще одну мину в пустой душевой кабинке. В 00:45 Трэй добрался до полутемной прихожей на втором этаже общежития и небрежно бросил в коридоре связку из десяти мощных петард. Когда он спускался по лестнице, раздались взрывы. Через несколько секунд сработали оба взрывных устройства, и коридоры заполнились густыми клубами прогорклого дыма. Выходя из здания, Трэй услышал первые крики паники. Укрывшись в кустах возле общежития, он достал разовый телефон, набрал номер Службы спасения Принстона и сообщил жуткую новость:

– На втором этаже общаги Маккаррена какой-то парень открыл стрельбу!

Из окна второго этажа валил дым. Джерри, сидевший в темной кабинке в библиотеке, позвонил с таким сообщением со своего разового телефона. Кампус охватила паника, и звонки посыпались один за другим.

Во всех американских колледжах есть тщательно разработанные инструкции, как действовать в ситуации с «вооруженным преступником», но применить их на практике получается не сразу. Сотруднице службы безопасности, дежурившей в ту ночь, потребовалась пауза в несколько секунд, чтобы решиться нажать нужные кнопки, после чего взвыли сирены. Все студенты, преподаватели и сотрудники Принстона получили эсэмэски и оповещения по электронной почте. Все двери надлежало закрыть и запереть. Все здания должны были быть заперты тоже.

Джерри снова позвонил в Службу спасения и сообщил, что застрелены два студента. В вестибюле колледжа Маккаррена клубился дым. Трэй сбросил еще три дымовых шашки в мусорные баки. Несколько студентов метались в дыму между зданиями, не зная, где найти безопасное место. Место происшествия заполнилось сотрудниками службы безопасности кампуса и городскими

полицейскими, а за ними приехали с полдюжины пожарных машин. Затем появились машины «скорой помощи». Прибыли первые патрульные машины полиции штата Нью-Джерси.

Оставив рюкзак у двери офисного здания, Трэй набрал 911 и сообщил о нем как о найденном подозрительном предмете. Таймер на последней дымовой мине внутри рюкзака должен был сработать через десять минут, как раз в тот момент, когда эксперты-подрывники начнут разглядывать его издалека.

В пять минут второго Трэй сообщил подельникам по рации:

– Паника в самом разгаре. Везде дым. Кругом полно полиции. Самое время!

– Вырубай свет! – скомандовал Дэнни.

Ахмед, потягивавший крепкий чай в Буффало, ждал этой команды. Он быстро взломал систему защиты, вошел в программу электропитания и отключил электричество не только в Библиотеке Файрстоуна, но и в полудюжине соседних зданий. Для верности Марк, уже надевший очки ночного видения, повернул рычаг, отключавший питание в главном машинном зале. Он немного подождал, затаив дыхание, и с облегчением перевел дух, убедившись, что резервный генератор не включился.

Отключение питания вызвало аварийные сигналы на центральной станции слежения комплекса безопасности кампуса, но никому до этого не было дела. Еще бы – по кампусу разгуливал вооруженный преступник, открывший огонь! Беспокоиться о других аварийных сигналах было не время.

На прошлой неделе Джерри провел две ночи в Библиотеке Файрстоуна и был уверен, что после закрытия здания охранников в нем не оставалось. В течение ночи охранник в форме пару раз совершал снаружи обход и, посветив фонариком у дверей, шел дальше. Патрульный автомобиль тоже объезжал территорию, но высматривал, главным образом, пьяных студентов. Как и в других кампусах, с часу ночи до восьми утра жизнь тут замирала.

Однако в эту ночь Принстон переживал жуткую катастрофу, поскольку была открыта стрельба по сливкам американской молодежи. Трэй сообщил подельникам, что кругом царил полный хаос: повсюду сновали полицейские,

спецназовцы надевали экипировку, выли сирены, постоянно работали переговорные устройства, от моря мигалок все переливалось синим и красным. Деревья окутаны дымом, будто туманом. Где-то сверху слышался рокот вертолета. Настоящее безумие.

Под покровом темноты Дэнни, Джерри и Марк быстро пробрались к лестнице и спустились в подвал под этажом со Специальными коллекциями. На каждом были очки ночного видения и шахтерская лампа, закрепленная на лбу. Каждый тащил тяжелый рюкзак, а Джерри еще и небольшую армейскую брезентовую сумку, которую спрятал в библиотеке вечером пару дней назад. На третьем, самом нижнем уровне они остановились у толстой металлической двери, вывели из строя камеры наблюдения и принялись ждать, когда Ахмед проделает свой фокус. Тот спокойно забрался в систему сигнализации и дезактивировал четыре датчика двери. Прозвучал громкий щелчок. Дэнни нажал на ручку и открыл дверь. За ней находился узкий коридор с двумя металлическими дверями. Марк посветил фонариком на потолок и увидел камеру наблюдения.

– Там, – сказал он. – Всего одна.

Будучи самым высоким в команде – его рост составлял шесть футов и три дюйма, – Джерри достал маленькую баночку с черной краской и распылил ее на объектив камеры.

– Бросим монетку? – предложил Дэнни, глядя на две двери.

– Что вы видите? – поинтересовался из Буффало Ахмед.

– Две одинаковые металлические двери, – ответил Дэнни.

– У меня тут ничего нет, парни, – отозвался Ахмед. – После первой двери в системе ничего нет. Начинайте резать.

Из холщовой сумки Джерри вынул две восемнадцатидюймовые канистры: одну – с кислородом, а другую – с ацетиленом. Дэнни расположился перед дверью слева, зажег газовый резак и начал раскалять пятно в шести дюймах выше замочной скважины и защелки. Через несколько секунд посыпались искры.

Тем временем Трэй уже покинул хаос вокруг колледжа Маккаррена и прятался в темноте через дорогу от библиотеки. Подъехали аварийно-спасательные машины, и вой сирен стал еще громче. Наверху слышался рокот вертолетов, хотя видеть их Трэй не мог. Не горели даже уличные фонари. Рядом с библиотекой не было ни души. Все собрались в другом месте.

– Вокруг библиотеки все тихо, – сообщил он. – Как успехи?

– Режем, – лаконично ответил Марк.

Все члены группы знали, что разговоры необходимо свести к минимуму. Дэнни медленно и умело резал металл язычком насыщенного кислородом пламени, раскаленного до восьмисот градусов. Шли минуты, расплавленный металл капал на пол, а из двери разлетались красные и желтые искры. В какой-то момент Дэнни сообщил, что металлическая обшивка имеет толщину в дюйм. Закончив с верхним краем, он стал резать один из боковых. Работа шла медленно, минуты тянулись, и напряжение нарастало, но они сохраняли спокойствие. Джерри и Марк присели за Дэнни и наблюдали за каждым его движением. Покончив, наконец, и с нижний линией, Дэнни постучал по фиксатору, и тот сдвинулся с места, но что-то его не пускало.

– Это болт, – сказал он. – Я его разрежу.

Через пять минут дверь распахнулась. Ахмед, следивший за системой безопасности библиотеки по экрану ноутбука, не заметил ничего необычного.

– Тут все чисто, – сообщил он.

Дэнни, Марк и Джерри прошли в комнату, оказавшуюся такой маленькой, что они едва поместились. Стол длиной около десяти футов был узким, не шире пары футов. На каждой стороне стола стояло по четыре больших деревянных ящика. Марк – а «медвежатником» в команде были именно он – отвернул очки, поправил фонарь и осмотрел один из замков.

– Как и следовало ожидать, – произнес он, покачав головой. – Замок с цифровым кодом, который, возможно, меняется компьютером каждый день. Взломать такой невозможно. Придется сверлить.

– Займись этим, – сказал Дэнни. – Начинай сверлить, а я пока разрежу другую дверь.

Джерри достал мощную аккумуляторную дрель с двумя боковыми упорами. Приставив сверло к замку, они с Марком налегли на нее изо всех сил. Однако сверло, взвизгнув, соскользнуло с металлической накладки, которая поначалу показалась слишком твердой. Но вот появилась одна стружка, затем другая, и сверло начало вгрызаться в замок. Когда он наконец поддался, ящик все равно не открылся. Тогда Марк просунул в щель над замком тонкую монтировку и яростно налег на нее. Деревянная рама раскололась. Внутри лежал футляр для хранения архивных материалов с черной металлической окантовкой двадцати двух дюймов длиной, семнадцати шириной и трех высотой.

– Осторожно, – предупредил Джерри, когда Марк открыл ящик и аккуратно извлек из него тонкое издание в твердой обложке.

– «Избранные стихотворения Дольфа Макензи», – медленно прочитал Марк. – Мечта моей жизни.

– Кто это такой, черт возьми?

– Понятия не имею, но мы здесь не для поэзии.

За их спинами появился Дэнни и скомандовал:

– Ладно, продолжаем. Тут еще семь ящиков. И я почти закончил со второй дверью.

Они возобновили работу, а Трэй в это время курил на скамейке в парке через дорогу, то и дело поглядывая на часы. Безумие, творившееся в кампусе, пока не шло на убыль, но продолжаться вечно оно не могло.

Во втором и третьем ящиках первой комнаты оказались другие редкие книги авторов, о которых члены банды никогда не слышали. Открыв дверь во вторую комнату, Дэнни велел Джерри и Марку принести дрель туда. В этой комнате было тоже восемь больших ящиков, по виду точно таких же, как и в первой комнате. В четверть третьего Трэй сообщил, что кампус по-прежнему опечатан,

но любопытствующие студенты начали собираться на лужайке перед колледжем Маккаррен, чтобы посмотреть шоу. Полицейские по мегафону призывали их вернуться в свои комнаты, но их было слишком много, чтобы очистить территорию силой. Над колледжем кружили по меньшей мере два вертолета с репортерами, что только осложняло ситуацию. С помощью смартфона он смотрел Си-эн-эн, и происходящее в Принстоне было главной новостью. Репортер канала, находившийся «на месте происшествия», взволнованно рассказывал о «неподтвержденных жертвах» и сумел создать впечатление, что многие студенты пали жертвой «минимум одного стрелка».

– «Минимум одного стрелка»? – пробормотал Трэй. Разве не любая стрельба требует участия хотя бы одного стрелка?

Дэнни, Марк и Джерри обсудили идею добраться до содержимого ящиков с помощью паяльной лампы, но решили от этого воздержаться, во всяком случае, пока. Риск устроить пожар был слишком велик, а какой толк будет от рукописей, если они пострадают? Тогда Дэнни достал дрель поменьше и начал сверлить. Марк и Джерри работали со своей дрелью. В первом ящике второй комнаты оказались стопки хрупких листов, исписанных другим давно забытым поэтом, о котором они никогда не слышали, но все равно его возненавидели.

В половине третьего Си-эн-эн подтвердило, что двое студентов убиты и не меньше двух получили ранения. Впервые прозвучало слово «бойня».

5

В ходе зачистки второго этажа общежития Маккаррена полиция обратила внимание на предметы, похожие на остатки петард. В туалете и душе нашли пустые дымовые мины. Брошенный Трэем рюкзак был вскрыт экспертами-подрывниками, и в нем тоже нашли отработанную дымовую мину. В 03:10 командир первым произнес слово «хулиганство», но адреналин в жилах продолжал струиться с такой силой, что о словосочетании «отвлекающий маневр» никто и не подумал.

Во всем здании общежития быстро восстановили порядок, все студенты оказались на месте и были живы-здоровы. Оцепление вокруг кампуса еще долго не снимали, пока не закончился осмотр всех соседних зданий.

6

В 03:30 Трэй сообщил:

– Похоже, тут все успокаивается. Прошло уже три часа. Как продвигается сверление?

– Медленно, – коротко ответил Дэнни.

Внутри хранилища работа действительно шла медленно, но безостановочно. В первых четырех вскрытых ящиках оказались рукописи, часть написана от руки, часть напечатана на машинке: все они принадлежали известным писателям, однако не тому, кто был нужен. Наконец, искомое обнаружилось в пятом ящике, когда Дэнни достал из него архивный футляр для хранения, ничем не отличавшийся от других. Он осторожно открыл его. Справочная страница, добавленная библиотекой, гласила: «Оригинал рукописи романа “Прекрасные и проклятые” Фрэнсиса Скотта Фицджеральда».

– Есть! – спокойно констатировал Дэнни. Он вытащил из пятого ящика два футляра, осторожно положил их на узкий стол и открыл. Внутри находились оригиналы рукописей «Ночь нежна» и «Последний магнат».

Ахмед, не сводивший глаз с экрана ноутбука и пивший уже не чай, а энергетик с высоким содержанием кофеина, услышал долгожданные слова: «Ладно, парни, у нас есть три из пяти. Где-то здесь должны быть “Гэтсби” и “Рай”».

– Сколько еще? – поинтересовался Трэй.

– Двадцать минут, – ответил Дэнни. – Подгони фургон.

Трэй не спеша прошелся по университетскому городку, смешался с толпой любопытных и некоторое время понаблюдал, как суетилась небольшая армия полицейских. Они больше не пригибались, не прятались за машинами и не бежали за ними с оружием наизготовку. Опасность явно миновала, хотя все вокруг по-прежнему освещалось мигалками. Трэй тихо ретировался, прошел полмили пешком, вышел из кампуса и добрался до Джон-стрит, где сел в белый грузовой фургон с надписью «Типография Принстонского университета»,

нанесенную на обе передние дверцы в помощью трафарета. На фургоне был номер 12, что бы это ни значило, и он очень походил на тот, что Трэй сфотографировал неделю назад. Трэй направился обратно в университетский городок, объехал общежитие Маккаррена стороной и припарковался у пандуса позади библиотеки.

– Фургон на месте, – доложил он.

– Вскрываем шестой ящик, – отозвался Дэнни.

Когда Джерри и Марк подняли свои очки и наклонились поближе к столу, чтобы осветить лучами фонарей коробку, Дэнни осторожно открыл архивный футляр для хранения. На лежавшем сверху листе было написано: «Оригинал рукописи романа “Великий Гэтсби” Фрэнсиса Скотта Фицджеральда».

– Бинго, – снова спокойно констатировал он. – У нас есть «Гэтсби», этот старый сукин сын.

– Обалдеть! – воскликнул Марк, хотя все старались сдержать волнение. Джерри вынул из ящика последний футляр. В нем находилась рукопись «По эту сторону рая» – первого романа Фицджеральда, вышедшего в 1920 году.

– У нас все пять рукописей, – спокойно произнес Дэнни. – Пора уносить ноги.

Джерри убрал сверла, резак, канистры с кислородом и ацетиленом, а также монтировки. Наклонившись поднять холщовую сумку, он нечаянно оцарапался левым запястьем о щепку из третьего ящика. В волнении он не обратил на это внимания и просто потер это место, снимая рюкзак. Дэнни и Марк осторожно разместили пять бесценных рукописей в трех студенческих рюкзаках. Воры выскочили из хранилища, нагруженные добычей и инструментами, и поднялись по лестнице на первый этаж. Они покинули библиотеку через служебный вход возле пандуса – этот вход удачно скрывала от посторонних глаз густая живая изгородь. Они забрались в фургон через задние двери, и Трэй тронулся с места. Проезжая мимо патрульной машины с двумя охранниками кампуса, он приветственно махнул им рукой, но те не ответили.

Трэй заметил время: 03:42. По рации он передал:

– Все чисто, выезжаем из кампуса с мистером Гэтсби и друзьями.

7

При отключении питания в пострадавших зданиях на пульт поступили сигналы аварии. К четырем утра инженер-электрик, покопавшись в компьютерной сети электроснабжения, нашел источник проблемы. Электричество было восстановлено во всех зданиях, кроме библиотеки. Начальник службы безопасности отправил туда трех сотрудников. Им понадобилось десять минут, чтобы найти причину сигнала аварии.

К тому времени банда остановилась в дешевом мотеле на автостраде 295 неподалеку от Филадельфии. Трэй припарковал фургон рядом с грузовой фурой подальше от одинокой камеры, следившей за стоянкой. Марк взял баллончик с белой аэрозольной краской и закрасил надпись «Типография Принстонского университета» на дверцах фургона. В номере, в котором они с Трэем провели предыдущую ночь, мужчины быстро переоделись в охотничьи наряды и сложили все, что надевали для работы – джинсы, кроссовки, толстовки, черные перчатки – в другую холщовую сумку. В ванной Джерри осмотрел маленькую ранку на левом запястье. Во время поездки он зажимал ее большим пальцем и понял, что крови было больше, чем ему сначала показалось. Он вытер ранку полотенцем, раздумывая, не следует ли рассказать о ней остальным. И в конце концов решил, что сейчас не время, может, позже.

Они тихо вытащили все вещи из номера, выключили свет и вышли. Марк и Джерри забрались в пикап – за рулем в нем сидел Дэнни, взявший его напрокат, – и они выехали с автостоянки за фургоном Трэя сначала на улицу, а затем и автостраду. Обогнув пригороды Филадельфии с севера, они передвигались только по большим автострадам и скрылись в сельской местности Пенсильвании. Возле Квакертауна они свернули на выбранную заранее местную дорогу, на которой примерно через милю покрытие сменилось на гравий. Тут не было никаких домов. Трэй остановил фургон в небольшом овраге, снял украденные номерные знаки, вылил галлон бензина на мешки с инструментами, сотовыми телефонами, радиооборудованием и одеждой, после чего чиркнул спичкой. Фургон мгновенно вспыхнул и превратился в огненный шар, и они, пересев в пикап, не сомневались, что уничтожили все возможные улики. Рукописи были надежно уложены между Трэем и Марком на заднем сиденье пикапа.

Начинало светать, стали видны холмы, и все четверо молча глядели в окна, правда, смотреть особо было не на что: редкая встречная машина; фермер, направлявшийся в амбар и не обращавший внимания на шоссе; старуха, забиравшая кошку с крыльца. Около Вифлеема они выехали на автостраду 78 и направились на запад. Дэнни нарочно ехал гораздо тише разрешенной скорости. После университетского городка Принстона они не видели ни одной полицейской машины. В автокафе они перекусили лепешками с курицей и кофе, а затем направились по автостраде 81 на север в сторону Скрантона.

8

Первая пара агентов ФБР прибыла в Библиотеку Файрстоуна сразу после семи утра. Сотрудники службы безопасности кампуса и полиции города Принстона ввели их в курс дела. Фэбээровцы осмотрели место преступления и настоятельно рекомендовали закрыть библиотеку на неопределенный срок. В кампус срочно направили следователей и экспертов из отделения ФБР в Трентоне.

Не успел президент университета переступить порог своего дома после бессонной ночи, как ему сообщили о пропаже ценностей. Он сразу примчался в библиотеку, где встретился с главным библиотекарем, фэбээровцами и полицейскими города. Они приняли общее решение держать это событие в тайне как можно дольше. К делу подключился начальник вашингтонского Отдела ФБР по возврату редких ценностей: по его мнению, в скором времени похитители могут связаться с университетом и предложить сделку. Шумиха в прессе – а она наверняка будет громкой – лишь осложнит ситуацию.

9

Празднование успеха было отложено до приезда в маленький охотничий домик в глубине горного массива Поконо, штат Пенсильвания. Дэнни арендовал его на весь охотничий сезон и прожил там два месяца – потраченные средства должны быть компенсированы после превращения их добычи в наличные. Из четырех членов преступной группы постоянный адрес имелся только у Джерри. Он снимал со своей девушкой небольшую квартирку в Рочестере, штат Нью-Йорк. Трэй прожил в бегах большую часть своей взрослой жизни. Марк время от времени жил у своей бывшей жены неподалеку от Балтимора, однако нигде это

зафиксировано не было.

У всех четверых имелось по несколько комплектов поддельных документов, включая паспорта, способные обмануть любого сотрудника таможни.

В холодильнике было заготовлено три бутылки дешевого шампанского. Дэнни открыл одну, разлил по четырем кофейным кружкам, среди которых не имелось и пары одинаковых, и торжественно произнес:

– Поздравляю, парни! Мы сделали это!

Через полчаса все бутылки оказались выпиты, и усталые «охотники» провалились в продолжительный сон. Рукописи, по-прежнему находившиеся в футлярах для архивных материалов, уложили как слитки золота в сейф для хранения оружия, который стоял в кладовой, и в течение нескольких дней их предстояло охранять Дэнни и Трэю. Джерри и Марк должны были вернуться домой после изнурительной недели «охоты на оленей в лесах».

10

Пока Джерри спал, против него заработала в полную силу мощная и беспощадная машина федерального правительства. Эксперт ФБР заметила крошечное пятнышко на первом пролете лестницы хранилища библиотеки. Она справедливо приняла его за свежую капельку крови, которая еще не успела стать темно-бордовой и почти черной. Эксперт соскребла его, доложила начальнику, и образец доставили в лабораторию ФБР в Филадельфии. Анализ ДНК был проделан немедленно, и результаты пропущены через национальный банк данных. Менее чем через час обнаружилось совпадение в штате Массачусетс: ДНК принадлежала некоему Джеральду А. Стингардену, выпущенному по УДО преступнику, осужденному семь лет назад за кражу картин у торговца произведениями искусства в Бостоне. Группа аналитиков срочно занялась поисками его следов. В США людей с такой фамилией оказалось пятеро. Четверо сразу отпали. На пятого мистера Стингардена были получены ордера на обыск квартиры, распечатки звонков по мобильному и пользованию кредитками. Когда Джерри проснулся в Поконосе, ФБР уже следило за его квартирой в Рочестере. Было принято решение его не задерживать, а наблюдать и ждать.

А вдруг – кто знает? – мистер Стингарден выведет их на остальных.

В Принстоне подготовили списки всех студентов, посещавших Библиотеку Файрстоуна на прошлой неделе. Студенческие билеты фиксировали все посещения любой из библиотек кампуса. Были выявлены поддельные билеты, что сразу вызвало подозрения, поскольку ими в колледже пользовались несовершеннолетние для покупки спиртного, а не для посещения библиотек. Определили точное время их использования, после чего сопоставили с записями с камер наблюдения библиотеки. К полудню ФБР располагало четким изображением Дэнни, Джерри и Марка, хотя в настоящий момент толку от этого было мало. Все преступники постарались сильно изменить свою внешность.

В Отделе редких книг и специальных коллекций старина Эд Фолк впервые за десятилетия оказался в центре невероятного внимания. В окружении агентов ФБР он поднял записи регистрационных журналов и фотографий всех последних посетителей. С каждым из них связались для проверки, и когда фэбээровцы вышли на адъюнкт-профессора Невилла Манчина из Портлендского университета, тот заверил их, что никогда не был в кампусе Принстона. У ФБР появилась четкая фотография Марка, но его настоящего имени никто не знал.

Менее чем через двенадцать часов после успешного ограбления сорок агентов ФБР уже просматривали видеозаписи, изучали и анализировали все полученные данные.

11

Ближе к вечеру четверо «охотников» собрались за карточным столиком и открыли пиво. Говорил Дэнни и напомнил всем то, о чем они уже слышали не меньше дюжины раз. Ограбление прошло успешно, но при любом преступлении остаются следы. Ошибки делаются всегда, и если человек способен предвидеть хотя бы половину из них, то он – гений. Фальшивые документы скоро выявят. Полицейским станет известно, что преступники занимались подготовкой ограбления библиотеки не один день. Кто знает, сколько записей сделали камеры? На месте преступления могли остаться волокна их одежды, отпечатки кроссовок и так далее. Они не сомневались, что не оставили отпечатков пальцев, но исключать такой возможности было нельзя. Будучи опытными ворами, все четверо отлично это понимали.

Никто не заметил маленькой полоски пластыря на левом запястье Джерри, и он тоже решил не придавать царапине значения. Он убедил себя, что это пустяки.

Марк достал четыре устройства, по виду ничем не отличавшиеся от смартфона Apple iPhone 5 – на них имелся даже логотип компании, – но это были не смартфоны, а приборы спутниковой связи с мгновенным доступом в любой точке мира. Они не пользовались сотовой связью, и у полицейских не было возможности ни отследить их, ни прослушать. Марк еще раз напомнил всем, включая Ахмеда, что в предстоящие несколько недель они должны постоянно находиться на связи. Устройства достал Ахмед у одного из своих многочисленных источников. Кнопки включения/выключения у приборов не было – для включения требовалось ввести трехзначный код. Как только устройство включалось, каждый пользователь должен был набрать свой пятизначный пароль, чтобы получить доступ. Два раза в день – ровно в восемь утра и в восемь вечера – все пятеро должны были передать с помощью устройств лишь одно слово: «Чисто». Задержки не допускались, и расценивались они как сигнал провала. Задержка означала, что устройство, а главное – его пользователь – оказались каким-то образом «скомпрометированы». Задержка в пятнадцать минут активировала «План Б», согласно которому Дэнни и Трэю надлежало забрать рукописи и перебраться во второе убежище. Если на связь не выходили Дэнни или Трэй, то всю операцию следовало считать проваленной, а Джерри, Марку и Ахмеду надлежало немедленно покинуть страну.

О неприятности сообщало короткое слово «Красный». Оно означало без каких-либо пояснений и времени на раскачку, что 1) что-то пошло не так; 2) если возможно, перевезти рукописи в третье убежище; и 3) во что бы то ни стало покинуть страну как можно быстрее.

Если кого-то заберет полиция, то ему следовало держать рот на замке. Все пятеро выучили имена родственников своих подельников и их адреса, чтобы гарантировать, что никто не расколется. Возмездие гарантировалось. Никто никого не выдаст. Никогда.

При всей мрачности подобных приготовлений настроение у них по-прежнему оставалось приподнятым и даже праздничным. Они провернули блестящее дело и умело замели все следы.

Ветеран побегов Трэй с удовольствием делился опытом. Ему удавалось избегать поимки, поскольку после каждого побега у него имелся план, что делать

дальше, тогда как большинство заключенных думали только о том, как им выбраться. С преступлением то же самое. Планированием занимаются дни и даже недели, а когда дело сделано, не знают, как быть потом. А для этого нужен план.

Но в одном подельники не могли прийти к единому мнению. Дэнни и Марк были сторонниками быстрой развязки, которая предусматривала выход на Принстон в течение недели с требованием выкупа. Это позволяло избавиться от рукописей, не беспокоиться об их защите и перемещении и получить свои деньги.

Более опытные Джерри и Трэй предпочитали выждать. Пусть пыль осядет, на черном рынке станет известно о случившемся, а время позволит убедиться, что их никто не подозревает. Принстон был не единственным возможным покупателем. Наверняка появятся и другие желающие.

Обсуждение было долгим и нередко острым, но при этом сопровождалось шутками, смехом и обилием пива. Наконец они договорились о временном плане. Джерри и Марк уезжают на следующее утро домой: Джерри в Рочестер, Марк в Балтимор через Рочестер. Они затаятся, всю следующую неделю станут следить за новостями и, конечно же, связываться с остальными членами команды два раза в день. Дэнни и Трэй будут отвечать за рукописи и перевезут их через неделю или около того во второе убежище – дешевую квартирку, снятую в рабочих кварталах Аллентауна, штат Пенсильвания. Через десять дней туда приедут Джерри и Марк, и они вместе выработают окончательный план. Тем временем Марк свяжется с потенциальным посредником, которого знал уже много лет: тот был хорошо известен в теневом мире купли-продажи краденых предметов искусства и артефактов. С помощью недомолвок и намеков, принятых на этом тайном рынке, Марк даст понять, что ему кое-что известно о рукописях Фицджеральда. Но ничего конкретного сказано не будет, пока они не встретятся снова.

12

В половине пятого Кэрол, жившая в квартире с Джерри, вышла из дома. За ней установили наблюдение и сопроводили до продуктового магазина, расположенного в нескольких кварталах. Однако в квартиру решили не проникать, во всяком случае сейчас. Вокруг слишком много соседей. Стоит кому-нибудь из них что-то заметить, и о слежке станет сразу известно. Кэрол понятия

не имела, под каким пристальным наблюдением находилась. Пока она делала покупки, агенты установили два жучка на бамперах ее машины. Еще два агента – женщины в спортивных костюмах – наблюдали за тем, что она покупала (ничего интересного). Когда Кэрол отправила матери эсэмэску, текст был тут же прочитан и записан. Когда она позвонила подруге, агенты слушали каждое слово. Когда она зашла в бар, агент в джинсах предложил купить ей выпить. Она вернулась домой в десятом часу, и каждый ее шаг фиксировался и записывался.

13

Тем временем ее сожитель потягивал пиво и читал «Великого Гэтсби», лежа в гамаке на заднем крыльце охотничьего домика возле чудесного пруда. Марк и Трэй ловили с лодки лещей, а Дэнни жарил стейки на гриле. На закате подул холодный ветер, и четверка «охотников» собралась в гостиной и развела в камине огонь. Ровно в восемь вечера все, включая Ахмеда в Буффало, достали свои новые устройства спутниковой связи, ввели коды доступа и отправили слово «Чисто», подтверждая, что все в порядке.

Жаловаться им действительно было грех. Менее суток назад они находились в кампусе, прятались в темноте и чертовски нервничали, чувствуя, как от напряжения концентрация адреналина в крови буквально зашкаливает. Разработанный план сработал идеально, и в их руках оказались бесценные рукописи, которые вскоре превратятся в наличные. Этот обмен не станет легким, но продумать его детали время еще будет.

14

Выпивка помогла немного расслабиться, но все четверо спали плохо. Рано утром на следующий день, когда Дэнни готовил яичницу с беконом и жадно глотал черный кофе, Марк сидел с ноутбуком, просматривая заголовки газет с Восточного побережья.

– Ничего, – сообщил он. – Много материала о ЧП в кампусе, который теперь официально квалифицируется как «розыгрыш», но ни слова о рукописях.

– Уверен, они стараются пока держать это в тайне, – заметил Дэнни.

– Да, и сколько это продлится?

– Недолго. Такое событие невозможно скрыть от прессы. Сегодня или завтра наверняка будет утечка.

– Даже не знаю, хорошо это или плохо.

– Я тоже.

На кухню вошел Трэй с обритой головой. Он с гордостью потер лысину и спросил:

– Ну, как я вам?

– Отлично, – одобрил Марк.

– Хуже не стало, – отозвался Дэнни.

Все четверо преобразились, и никто не выглядел так, как сутки назад. Трэй и Марк сбрили все – бороду, волосы, даже брови. Дэнни и Джерри лишились только бород, но зато изменили цвет волос. Дэнни перестал быть блондином и превратился в шатена. Джерри стал рыжим. Все четверо должны были носить шапки и очки и менять их каждый день. Они знали, что их засняли камеры наблюдения, что у ФБР имелась технология распознавания лиц, и были в курсе ее возможностей. Они наверняка совершили ошибки, но способность понять, какие именно, таяла на глазах. Все мысли были уже о следующем этапе.

К тому же столь блестяще совершенное преступление неизбежно порождало чувство самонадеянности. Они впервые встретились год назад, когда Трэй и Джерри – двое преступников, обладавших большим опытом, – познакомились с Дэнни, который знал Марка, а тот, в свою очередь, Ахмеда. Они долгими часами разрабатывали план, споря о том, кто что будет делать, какое выбрать время и куда отправиться потом. Обсудили сотни деталей, как значительных, так и мелких, каждая из которых могла сыграть решающую роль. Теперь, когда ограбление уже совершено, все это осталось в прошлом. Сейчас им предстояло решить только одну задачу – как получить деньги.

В восемь утра в четверг все проделали оговоренную процедуру спутниковой связи. С Ахмедом все было в порядке. Каждый доложился об отсутствии проблем. Джерри и Марк попрощались и, покинув охотничий домик в Поконосе, через четыре часа добрались до окрестностей Рочестера. Они понятия не имели, сколько агентов ФБР терпеливо ждали появления пикапа «Тойота», арендованного тремя месяцами ранее.

Джерри припарковался на стоянке возле дома, и скрытые камеры сняли крупным планом его и Марка, пока они беззаботно шагали по стоянке и поднимались по лестнице на третий этаж.

Цифровые снимки мгновенно переслали в лабораторию ФБР в Трентоне. Джерри еще только целовал Кэрол при встрече, а снимки уже сличали с записями с камер наблюдения Библиотеки Принстона. Технология распознавания лиц подтвердила, что Джерри являлся мистером Джеральдом А. Стингарденом, а Марк – тем самым самозванцем, который выдал себя за профессора Невилла Манчина. Поскольку Марк не имел судимости, никаких сведений о нем в национальной базе данных преступников не содержалось. ФБР знало, что он был в библиотеке, но не знало его имени.

Однако выяснить его не представляло труда.

Было принято решение наблюдать и ждать. Джерри уже вывел на Марка; не исключено, что через него им удастся выйти и на другого подельника. После обеда преступная пара покинула квартиру и направилась к «Тойоте». Марк нес дешевую спортивную сумку из бордового нейлона. У Джерри в руках ничего не было. Они поехали в центр города, и Джерри вел машину осторожно, стараясь соблюдать все правила дорожного движения и не привлекать внимания полиции.

15

Преступники были настороже. От их внимания не ускользала ни одна машина, ни одно лицо, ни один старик, сидевший на скамейке в парке и прятавший лицо за газетой. Они не сомневались, что за ними не следят, но в их бизнесе следовало всегда держаться начеку. Они не могли не видеть, не слышать, как за ними на высоте три тысячи футов неотлучно следовал вертолет.

У вокзала Марк молча вылез из пикапа, забрал свою сумку и направился вдоль тротуара к билетным кассам. Он купил билет эконом-класса до Пенсильванского вокзала в Манхэттене. Поезд отходил в 14:13, и Марк ждал, погрузившись в чтение потрепанного дешевого издания «Последнего магната». Вообще-то он не относился к любителям чтения, но Фицджеральд вдруг пробудил в нем неожиданный интерес. При мысли об этой рукописи и о том, где она сейчас находится, он с трудом подавил довольную ухмылку.

Джерри остановился у винного магазина и купил бутылку водки. Когда он выходил, перед ним возникли трое молодых людей крепкого сложения в темных костюмах, которые поздоровались, показали свои жетоны и сказали, что хотели бы кое о чем его расспросить. Джерри отказался, сославшись на занятость. Молодые люди ответили, что они тоже на работе. Один из них достал наручники, второй взял у Джерри бутылку водки, а третий обыскал его карманы и забрал бумажник, ключи и устройство спутниковой связи. Джерри препроводили в большой черный внедорожник и отвезли в городскую тюрьму, расположенную менее чем в четырех кварталах от места задержания. Во время короткой поездки все молчали. Джерри поместили в пустую камеру, снова не проронив ни слова. Он не задавал вопросов, а сами молодые люди ничего не говорили. Когда к камере подошел познакомиться надзиратель, Джерри поинтересовался:

– Послушай, приятель, что за дела?

Тюремщик оглянулся по сторонам и, сделав шаг к решетке, произнес:

– Не знаю, парень, но ты здорово разозлил серьезных ребят.

Джерри растянулся на койке темной камеры и уставился в потолок, спрашивая себя, не снится ли ему все это. Какого черта?! Как его могли вычислить?

Когда Джерри оказался за решеткой, в его квартиру позвонили, и Кэрол, открыв дверь, увидела на пороге с полдюжины агентов. Один из них показал ордер на обыск. Другой велел выйти из квартиры и ждать внизу в своей машине, но двигатель не включать.

Марк сел на поезд в два часа. В 14:13 двери закрылись, но поезд не тронулся. В 14:30 двери открылись, и двое мужчин в одинаковых плащах свободного покроя вошли в вагон и строго посмотрели на него. В этот ужасный момент Марк понял,

что дело плохо.

Они негромко представились и попросили выйти из вагона. Один взял его за локоть, а другой забрал сумку с верхней полки. По дороге в тюрьму они не произнесли ни слова.

– Парни, я что – арестован? – спросил Марк, не выдержав молчания.

Не оборачиваясь, водитель ответил:

– Обычно мы не надеваем наручники на первых попавшихся граждан.

– Ладно. И за что меня арестовали?

– Все объяснят в тюрьме.

– Мне казалось, что вы должны предъявить обвинение и зачитать права.

– Похоже, ты новичок в этом деле. Мы не должны зачитывать права, пока не начнем задавать вопросы. А сейчас нам бы хотелось насладиться тишиной и покоем.

Марк замолчал и уставился в окно. Он подумал, что они наверняка схватили Джерри, иначе как бы узнали, что он, Марк, находится на вокзале. Может ли быть, что они арестовали Джерри, и тот решил расколоться и пойти на сделку со следствием? Нет, невозможно!

Джерри не сказал ни слова, у него просто не было такой возможности. В 17:15 его забрали из тюрьмы и доставили в офис ФБР, располагавшийся в нескольких кварталах от тюрьмы. Его завели в комнату для допросов, усадили за стол, сняли наручники и дали чашку кофе. Затем в допросную вошел агент по фамилии Макгрегор, снял пиджак, сел на стул и завел беседу. Держался он дружелюбно и, в конце концов, зачитал права Миранды.

– Были аресты до этого? – строго спросил Макгрегор.

Джерри уже арестовывали, и он по опыту знал, что у сидевшего перед ним МакГрегора имелся список всех его приводов.

– Да, – подтвердил он.

– Сколько раз?

– Послушайте, мистер агент. Вы только что сами сказали, что у меня есть право хранить молчание. Я ничего не стану говорить, и мне нужен адвокат. Понятно?

– Само собой, – ответил Макгрегор и вышел из комнаты.

В допросной за углом уже находился Марк. Макгрегор вошел, и предыдущая беседа повторилась. Какое-то время они потягивали кофе и говорили о правах Миранды. С ордером на руках они обыскали сумку Марка и нашли массу интересных предметов. Макгрегор вытащил из большого конверта несколько пластиковых карт и разложил их на столе.

– Все это нашли в вашем бумажнике, мистер Дрисколл. Водительские права штата Мэриленд, фотография неважная, но на ней у вас пышная прическа и даже есть брови. Затем две действующие кредитные карты и временная лицензия на охоту, выданная в штате Пенсильвания, – пояснил агент, доставая новые карты. – А вот это из вашей сумки. Водительские права, выданные в штате Кентукки на имя Арнольда Сойера, где у вас снова много волос. Одна фиктивная кредитная карта. – Он не спеша доставал новые карты. – Фальшивые водительские права штата Флорида, на которой вы в очках и с бородой, на имя мистера Лютера Банахана. И наконец, очень качественная подделка паспорта, якобы выданного в Хьюстоне некоему Клайду Д. Мэйзи. К нему прилагаются водительские права и три фальшивые кредитные карты.

Весь стол оказался завален документами. Марк почувствовал тошноту, но, сжав зубы, постарался изобразить равнодушие. Мол, и что?

– Весьма впечатляет, – продолжал МакГрегор. – Мы все проверили и знаем, что ваше настоящее имя – мистер Марк Дрисколл. Адреса местожительства у вас нет, потому что вы постоянно переезжаете с места на место.

– Это вопрос?

– Нет, пока нет.

– Хорошо, потому что я не собираюсь ничего говорить. У меня есть право на адвоката, и вы должны мне его предоставить.

– Ладно. Только странно, что на всех этих фотографиях вы везде с бровями, у вас много волос и даже есть усы. А теперь ничего такого нет. Вы от чего-то скрываетесь, Марк?

– Мне нужен адвокат.

– Само собой. Послушайте, Марк, мы не нашли никаких документов на имя профессора Невилла Манчина из Портлендского университета. Это имя вам о чем-нибудь говорит?

«Говорит»? Да оно орет благим матом!

Через одностороннее стекло на Марка смотрела камера с высоким разрешением. В другой комнате два эксперта по допросам, специализировавшиеся на выявлении лживых показаний подозреваемых и свидетелей, наблюдали за зрачками глаз, верхней губой, мышцами челюсти, положением головы. Упоминание о Невилле Манчине потрясло подозреваемого. Когда Марк неуверенно заявил, что будет молчать и ему нужен адвокат, оба эксперта кивнули и заулыбались. Попался!

Макгрегор вышел из допросной, поговорил с коллегами и направился в комнату с Джерри. Там он сел, улыбнулся и после долгой паузы поинтересовался:

– Ну что, Джерри, по-прежнему молчим, да?

– Я требую адвоката.

– А вот твой дружок Марк куда разговорчивее.

Джерри с трудом сглотнул. Он надеялся, что Марку удалось уехать на поезде. Выходит, что нет. Что же, черт возьми, произошло? Как их могли вычислить так быстро? Еще вчера они в это время играли в охотничьем домике в карты, пили пиво и смаковали детали своего идеального преступления.

Наверняка Марк держит язык за зубами.

Макгрегор показал на левую руку Марка и спросил:

– У вас тут пластырь. Порезались?

– Мне нужен адвокат.

– Может, доктор?

– Адвокат.

– Ладно, ладно. Пойду поищу адвоката.

Он ушел, хлопнув дверью. Джерри перевел взгляд на запястье. Неужели?!

16

На пруд легли тени, и Дэнни, сложив снасти, начал грести к берегу. Чувствуя, как холод от воды начинает забираться под легкую куртку, он подумал о Трэе и о том, что вообще-то не очень ему доверяет. Трэю был сорок один год, его дважды ловили с награбленным. При первом сроке он отсидел четыре года и потом бежал, а при втором совершил побег через два года. Особенно Дэнни настораживала беспринципность Трэя, который с легкостью выдал своих подельников, чтобы скостить себе срок. А в преступной среде это непростительный грех.

Дэнни не сомневался, что из пятерых членов банды Трэй был самым слабым звеном. Когда Дэнни служил десантником, он сражался на войнах и нередко рисковал жизнью. Он терял друзей и не раз убивал. Он понимал, что такое страх. И ненавидел слабость.

17

Вечером в четверг Дэнни и Трэй играли в карты и пили пиво. В 20:00 они отложили карты, достали свои спутниковые устройства, включили и отправили сообщения. Через несколько секунд отозвался Ахмед, приславший из Буффало слово «Чисто». От Марка и Джерри сообщений не было. Марк должен был ехать в поезде – поездка из Рочестера до Нью-Йорка занимала шесть часов. Джерри должен был находиться у себя дома.

Следующие пять минут тянулись очень медленно, а может, им так показалось. Не было ясности. Устройства работали, верно? Их качеству доверяло ЦРУ, и стоили они целое состояние. Чтобы одновременно оба замолчали… Что это могло означать? В 20:06 Дэнни поднялся и сказал:

– Начинаем собираться. Складываем в сумки необходимое и думаем, как лучше выбраться. Ясно?

– Ясно, – подтвердил Трэй, явно встревожившись.

Они бросились в свои комнаты и начали быстро запихивать вещи в холщовые сумки. Через несколько минут Дэнни произнес:

– Сейчас одиннадцать минут девятого. В восемь двадцать мы уходим. Согласен?

– Согласен, – подтвердил Трэй и бросил взгляд на свое спутниковое устройство. Сообщений не было. В 20:20 Дэнни открыл кладовую и отпер сейф для хранения оружия. Они засунули пять рукописей в две армейские сумки с вещами и отнесли их в машину Дэнни. Затем вернулись в домик выключить свет и убедиться, что ничего не забыли.

– Подожжем его? – поинтересовался Трэй.

– Нет, черт возьми! – с раздражением рявкнул Дэнни. – Это только привлечет ненужное внимание. И они докажут, что мы здесь были. И все дела. А мы давно уехали, и тут никаких следов книг.

Они выключили свет, заперли обе двери, и на крыльце Дэнни слегка замешкался, чтобы Трэй оказался впереди. Затем он рванулся вперед и, сомкнув ладони на шее Трэя, нажал большими пальцами на сонную артерию. Трэй – возрастной, щуплый и нетренированный – был застигнут врасплох и оказался бессилен против смертельной хватки бывшего десантника. Он несколько раз рванулся, взмахнул руками и обмяк. Дэнни бросил тело на землю и вытащил у него ремень.

18

Около Скрантона он остановился заправиться и выпить кофе и оттуда двинулся на запад по автостраде 80. На ней действовало ограничение скорости в семьдесят миль в час, и он установил круиз-контроль на шестьдесят восемь. Вечером Дэнни выпил несколько бутылок пива, но сейчас голова была светлая. Он то и дело бросал взгляд на устройство спутниковой связи, установленное на торпеде, но уже знал, что экран останется темным, и никто на связь не выйдет. Он полагал, что Марка и Джерри замели вместе, и их устройствами уже занимались очень ушлые спецы. Трэй со своим устройством лежал на дне пруда.

Если Дэнни удастся продержаться сутки и выбраться из страны, то вся добыча достанется ему одному.

Он припарковался у круглосуточной закусочной и сел так, чтобы видеть свою машину. Потом достал ноутбук и спросил у официантки, есть ли у них беспроводной доступ в Интернет. Та сказала, что да, и дала пароль. Дэнни решил задержаться и заказал блинчики с беконом. С помощью Интернета он выяснил, какие есть рейсы из Питтсбурга, и забронировал билет до Мехико с пересадкой в Чикаго. Затем поискал хранилища, оборудованные климат-контролем, и составил список. Он ел медленно, заказывал еще кофе и изо всех сил тянул время. Потом зашел на сайт «Нью-Йорк таймс» и был ошарашен статьей на первой полосе, размещенной около четырех часов назад. Заголовок кричал: «Принстон подтверждает кражу рукописей Фицджеральда».

После суток молчания и неубедительных опровержений официальные лица университета, наконец, сделали заявление, подтверждавшее слухи. Ночью прошлого вторника воры проникли в Библиотеку Файрстоуна, а в кампусе в это время занимались поимкой мифического стрелка. Нет сомнений, что сообщение о нем в Службу спасения являлось отвлекающим маневром, который отлично

сработал. Университет отказался уточнить, какую часть коллекции Фицджеральда похитили, ограничившись тем, он назвал ее «существенной». Расследованием занималось ФБР, и все такое. Подробностей не сообщалось.

Никакого упоминания о Марке и Джерри. Дэнни вдруг занервничал и решил, что лучше уехать. Он расплатился и на выходе выбросил спутниковое устройство в мусорный бак. С прошлым его больше ничего не связывало. Он был один, свободен, ощущал от этого подъем, но сообщение в прессе об ограблении заставило его задергаться. Надо как можно быстрее уезжать из страны. Дэнни планировал не это, но так выходило даже лучше. В жизни никогда не получается так, как планировалось, но успеха добиваются только те, кто умеет перестроиться на ходу.

Трэй представлял проблему. Он бы быстро стал помехой, затем обузой и, наконец, балластом. Дэнни вспоминал о нем только мимоходом. Добравшись на рассвете до северных окраин Питтсбурга, он окончательно выкинул Трэя из головы. Еще одно идеальное преступление.

В девять утра он вошел в офис компании, занимавшейся ответственным хранением в пригороде Питтсбурга Оукмонте. Он объяснил, что ищет место с контролируемой температурой и влажностью для хранения нескольких бутылок дорогого вина. Сотрудник показал ему маленькое квадратное помещение на первом этаже, сдававшееся в аренду минимум на год по цене 250 долларов в месяц. Дэнни сказал, что ему не требуется такой долгий срок, и они сошлись на 300 долларах в месяц сроком на полгода. Он предъявил водительские права штата Нью-Джерси, подписал договор под именем Поля Рафферти и заплатил наличными. Получив ключ, он вернулся в помещение, установил температуру на 13 градусов Цельсия и влажность на 40 % и выключил свет. Затем направился по коридору, отворачиваясь от камер наблюдения, и вышел из здания, не попадаясь на глаза сотруднику.

В десять утра открылся винный склад, торговавший оптом со скидкой, и Дэнни был его первым клиентом. Он заплатил наличными за четыре ящика сомнительного шардоне, попросил у продавца две пустые картонные коробки и вышел из магазина. Покрутившись с полчаса на машине в поисках укромного места вдали от движения и камер наблюдения, он заехал на дешевую автомойку и припарковался возле автоматов с пылесосами самообслуживания. «По эту сторону рая» и «Прекрасные и проклятые» отлично уместились в одной из пустых коробок. «Ночь нежна» и «Последний магнат» нашли пристанище во

второй. «Гэтсби» удостоился отдельной коробки, двенадцать бутылок из которой перекочевали на заднее сиденье пикапа.

К одиннадцати часам Дэнни поместил шесть ящиков в арендованное помещение хранилища. На выходе он наткнулся на сотрудника и сказал, что завтра заедет снова и привезет еще вина. Тот равнодушно кивнул. Шагая по длинным коридорам, Дэнни невольно подумал о том, какая еще награбленная добыча может ждать тут своего часа за запертыми дверями. Наверняка ее тут хранилось немало, но ничего столь же ценного, как рукописи Фицджеральда.

Проехав через центр Питтсбурга, Дэнни добрался до неблагополучных кварталов, где остановился возле аптеки, окна которой были забраны толстыми металлическими прутьями. Дэнни опустил стекла в дверцах и, оставив в замке зажигания ключи, а двенадцать бутылок плохого вина на заднем сиденье, забрал свою сумку и ушел. Время приближалось к полудню, и в этот ясный и солнечный осенний день он чувствовал себя в относительной безопасности. По телефону-автомату он вызвал такси и подождал его возле кафе с негритянской кухней. Спустя сорок пять минут такси высадило его возле зала вылета международного аэропорта Питтсбурга. Забрав свой билет, Дэнни благополучно прошел контроль и направился к кофейне возле выхода на посадку его рейса. В газетном киоске он купил «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост». На первой странице кричал заголовок: «Арест двух грабителей Принстонской библиотеки». Их имена не назывались, фотографии отсутствовали, и было очевидно, что и Принстон, и ФБР не раскрывали всей информации. В короткой статье сообщалось, что накануне в Рочестере арестовали двух мужчин.

Поиск других соучастников этой «впечатляющей кражи со взломом» продолжался.

19

Пока Дэнни ждал посадки на рейс в Чикаго, Ахмед прилетел из Буффало в Торонто, где забронировал билет в одну сторону до Амстердама. Его рейс был через четыре часа, и он решил скоротать время в баре аэропорта, где заказал выпивку, пряча лицо за меню.

20

В следующий понедельник Марк Дрисколл и Джеральд Стингарден отказались от рассмотрения их дела другим штатом, и их привезли в Трентон, штат Нью-Джерси. Они предстали перед федеральным судьей, поклялись в письменной форме, что у них нет средств, и суд назначил им адвокатов. Из-за обилия найденных при них поддельных документов вероятность того, что они попытаются куда-нибудь улететь и скрыться, считалась высокой, и в выходе под залог им было отказано.

Прошла еще неделя, затем месяц, и расследование начало заходить в тупик. То, что сначала выглядело столь перспективным, постепенно стало казаться безнадежным. Капля крови, фотографии изменивших внешность воров и, конечно же, отсутствующие рукописи – вот и весь перечень фактов, которыми располагало следствие. Сгоревший фургон, на котором они скрылись с места преступления, был найден, но никто не знал, откуда он. Арендованный Дэнни пикап был украден и разобран на запчасти. Сам он из Мехико отправился в Панаму, где у него имелись друзья, умевшие скрываться от правосудия.

Не вызывало сомнений, что для посещения библиотеки Джерри и Марк использовали поддельные студенческие билеты. Марк даже выдал себя за исследователя творчества Фицджеральда. В ночь ограбления эта пара вошла в библиотеку вместе с третьим сообщником, но когда и как они ее покинули, оставалось неизвестным.

В отсутствие похищенного прокурор США отложил предъявление обвинения. Адвокаты Джерри и Марка подали прошение о прекращении дела, но судья отказал. Они оставались в тюрьме без права выхода под залог и продолжали молчать. Это молчание затянулось надолго. Через три месяца после кражи прокурор предложил Марку фантастическую сделку: рассказать все без утайки и выйти на свободу. Без судимости и с ДНК с места преступления Марк представлялся оптимальным вариантом. Просто рассказать и выйти на волю.

Он отказался по двум причинам. Во-первых, его адвокат заверил, что властям будет сложно доказать дело в суде, и поэтому, судя по всему, они тянут с предъявлением официального обвинения. Во-вторых, и это играло решающую роль, Дэнни и Трэй оставались на свободе. Это означало не только то, что рукописи хорошо спрятаны, но и вероятность возмездия. Более того, даже если бы Марк сообщил полные имена Дэнни и Трэя, разыскать их ФБР вряд ли удастся. Марк, естественно, не знал, где находились рукописи. Он был в курсе

адресов второго и третьего убежищ, но понимал, что они, по всей вероятности, не использовались.

21

Все зацепки оказались тупиковыми и ни к чему не привели. Теперь оставалось только ждать. Те, в чьих руках находились рукописи, хотели получить за них деньги. Причем много денег. В конце концов, они объявятся, но где, когда и сколько они потребуют?

Глава 2

Торговец

1

Когда Брюсу Кэйблу исполнилось двадцать три года и он все еще был студентом Обернского университета, его отец неожиданно скончался. Они постоянно ссорились из-за плохой успеваемости Брюса, и пару раз дело доходило до того, что Кэйбл-старший грозился вычеркнуть сына из завещания. Некий древний родственник заработал состояние на добыче гравия и, следуя скверным советам юристов, учредил сеть непонятных и плохо управляемых трастовых компаний, которые снабжали деньгами недостойных членов семьи разных поколений. Семья долгое время жила за фасадом чудесного богатства, наблюдая, как оно медленно тает. Угроза лишить наследства и перекрыть доступ к выплатам трастовых компаний являлась излюбленным оружием родителей в борьбе с детьми, но толку от этого было мало.

Мистер Кэйбл умер, так и не добравшись до офиса своего адвоката, поэтому на Брюса неожиданно свалилось наследство в 300 тысяч долларов – очень даже неплохая сумма, однако недостаточная для безбедной жизни до конца дней. Он подумывал об инвестировании, но надежные варианты сулили ежегодный доход всего в 5–10 процентов, явно недостаточный для того образа жизни, который Брюс считал для себя достойным. Инвестирование в проекты, сулившие больший

доход, было рискованным, а Брюс не хотел искушать судьбу и рисковать деньгами. Все это привело к неожиданным поступкам. Самым странным из них было решение уйти из университета после пяти лет учебы и забыть о нем навсегда.

Брюс поддался на уговоры одной девушки отправиться вместе на пляж на остров Камино во Флориде – полоске суши шириной в десять миль к северу от Джексонвилла. В хорошей квартире, за которую платила она, Брюс целый месяц спал, пил пиво, занимался серфингом, часами любовался Атлантикой и читал «Войну и мир». В университете его специализацией являлись английский язык и литература, и великие книги, которых он не читал, не давали ему обрести душевный покой.

Брюс бродил по пляжу, обдумывая разные варианты сохранения денег и, по возможности, их приумножения. Он благоразумно помалкивал о свалившихся на него деньгах – в конце концов, к ним не было доступа на протяжении многих лет – и ему не досаждали друзья со своими советами и просьбами дать в долг. Девушка, конечно, о деньгах тоже ничего не знала. Недели, проведенной с ней, ему оказалось достаточно, чтобы понять, что скоро он с ней расстанется. Брюс взвешивал плюсы и минусы инвестиций во франшизу закусочной, приобретение неосвоенного участка земли во Флориде, квартир в близлежащей высотке, новых интернет-компаний в Силиконовой долине, торгового центра в Нашвилле и так далее. Прочитав десятки финансовых журналов, он окончательно убедился, что не обладает необходимым для инвестирования терпением. Для него все это выглядело непостижимым набором цифр и стратегий. Неслучайно в университете он выбрал не экономику, а английский.

Время от времени они с девушкой наведывались в живописный городок Санта-Роза, чтобы пообедать в кафе или выпить в одном из баров на главной улице. Там имелся приличный книжный магазин с кофейней, и они часто туда заглядывали выпить послеобеденную чашку кофе латте и полистать «Нью-Йорк таймс». Владельцем заведения был пожилой бариста по имени Тим, и он очень любил поболтать. Однажды он упомянул, что подумывает о продаже магазина и переезде в Ки-Уэст. На следующий день Брюсу удалось оставить девушку дома и отправиться выпить кофе в одиночку. Он сел за столик и принялся расспрашивать Тима о планах относительно книжного магазина.

Тим объяснил, что продажа книг была непростым делом. Большие торговые сети предлагали на все бестселлеры большие скидки, достигавшие иногда 50

процентов, а теперь, когда есть Интернет и «Амазон», люди вообще покупали, не выходя из дома. За последние пять лет закрылось более 700 книжных магазинов. Удержаться на плаву удавалось лишь немногим. Чем больше он рассказывал, тем мрачнее становился.

– Розница – жестокая штука, – повторил он не меньше трех раз. – И что бы ты ни сделал сегодня, завтра все приходится начинать сызнова.

Отдавая должное его честности, Брюс сомневался в предприимчивости Тима.

Неужели он рассчитывал завлечь этим потенциального покупателя?

По словам Тима, магазин приносил неплохой доход. Остров облюбовали немало литераторов, среди которых были и писатели, проводился книжный фестиваль, имелись хорошие библиотеки. Пенсионерам все еще нравилось читать и тратить деньги на книги. Население острова составляли около сорока тысяч человек, и сюда ежегодно приезжали миллион туристов, так что место было весьма оживленным. На вопрос Брюса, сколько Тим хочет за магазин, тот ответил, что продаст за 150 тысяч долларов наличными, все деньги сразу, с правом на аренду здания. Брюс робко поинтересовался, может ли он взглянуть на бухгалтерию магазина, всего лишь на баланс с прибылями и убытками, но Тиму эта идея не понравилась. Он не знал Брюса и принимал его за очередного шалопая, который прожигал жизнь на пляже за папочкины деньги.

– Ладно, я покажу тебе свою бухгалтерию, как только увижу твою, – предложил Тим.

– Справедливо, – согласился Брюс.

Он ушел, пообещав вернуться, но его увлекла идея совершить сначала ознакомительную поездку. Три дня спустя он попрощался с девушкой и отправился в Джексонвилл купить новую машину. Он мечтал о новеньком сверкающем «Порше 911 Каррера», и сам факт, что он мог запросто выписать за него чек, делало искушение особенно сильным. Однако ему удалось его побороть, и после ожесточенной торговли он обменял с доплатой свой старенький «Джип-Чероки» на новый. Тот был вместительнее и больше подходил для перевозки багажа. «Порше» мог подождать, во всяком случае, пока Брюс на него не заработает.

На новых колесах и с деньгами на счете Брюс покинул Флориду, и с каждой новой милей желание окунуться в мир книги овладевало им все сильнее. У него не было конкретного маршрута. Он направился на запад и планировал от Тихого океана повернуть на север, затем поехать на восток, а уже оттуда на юг. Время не имело значения – никаких ограничений по срокам не было. Он искал специализированные книжные магазины и, наткнувшись на один из них, день-другой присматривался к нему, пил кофе, читал, а то и обедал в нем, если там имелось кафе. Обычно ему удавалось разговориться с хозяином и осторожно прозондировать почву. Брюс говорил, что подумывает о покупке книжного магазина и, если честно, нуждается в совете знающего человека. Ответы были разными. Но большинству явно нравилось то, чем они занимались, даже тем, кто смотрел в будущее с тревогой.

В этом бизнесе царила большая неопределенность: торговые сети расширялись, и было непонятно, чем может обернуться развитие интернет-торговли. Ходили жуткие истории об известных книжных магазинах, вытесненных с рынка появлением по соседству крупных магазинов, которые продавали книги с большой скидкой. Какие-то специализированные книжные процветали, особенно в небольших студенческих городках, слишком маленьких для открытия там сетевых магазинов. В других книжных магазинах, даже в больших городах, было практически безлюдно. Вместе с тем открывались и новые книжные, которым удавалось наперекор всему уверенно раскручиваться и набирать обороты. Советы были разными: от стандартного «Розница – жестокая штука» до «На твоем месте я бы рискнул, тебе же всего двадцать три года». Но всех, кто давал советы, объединяло одно: им нравилось то, чем они занимались. Они любили книги, литературу и писателей, любили все, связанное с книгоизданием, и готовы были много работать и общаться с клиентами допоздна, потому что считали это своим благородным призванием.

В поисках специализированных книжных магазинов Брюс колесил по стране два месяца, переезжая из города в город без всякой системы. Владелец магазина мог подсказать пару-тройку других городов в своем штате, где имелись книжные, и Брюс направлялся туда. Он общался с авторами, разъезжавшими по стране с рекламными турами, приобрел десятки книг с автографами, спал в дешевых мотелях, иногда с очередной любительницей книг, с которой только что познакомился, часами разговаривал с книготорговцами, готовыми поделиться советом и опытом, выпил море крепкого кофе и плохого вина на малолюдных встречах авторов с читателями, сделал сотни фотографий магазинов внутри и снаружи и всё аккуратно записывал. Когда поездка подошла

к концу, Брюс чувствовал сильную усталость. За семьдесят четыре дня он проехал почти восемь тысяч миль и посетил шестьдесят один книжный магазин, среди которых не было и двух, даже отдаленно похожих друг на друга. Брюс решил, что теперь знает что делать.

Он вернулся на остров Камино и нашел Тима на прежнем месте в кофейне при магазине. Тот читал газету, потягивая эспрессо, и выглядел еще больше осунувшимся. Тим его не узнал, и Брюс напомнил:

– Я спрашивал о продаже магазина пару месяцев назад. Вы просили за него сто пятьдесят.

– Было дело, – отозвался Тим, чуть оживившись. – Ты нашел деньги?

– Частично. Я готов сегодня выписать чек на сто тысяч и через год еще на двадцать пять.

– Это хорошо, но, по моим подсчетам, двадцати пяти не хватает.

– Это все, что у меня есть, Тим. Решение за тобой. У меня на примете есть еще вариант.

Секунду поразмышляв, Тим медленно протянул правую руку, и они скрепили сделку рукопожатием. Тим позвонил своему адвокату и попросил оформить все как можно быстрее. Три дня спустя все бумаги были подписаны, и деньги перешли из рук в руки. Брюс закрыл магазин на месяц для ремонта, а сам принялся в ускоренном порядке изучать особенности книготорговли. Тим с удовольствием ему в этом помогал и охотно делился знаниями тонкостей бизнеса, а также сплетнями о клиентах и большинстве торговцев на центральной улице. Он был настоящим кладезем информации, и через пару недель Брюс почувствовал, что достаточно ориентируется в деле.

1 августа 1996 года магазин торжественно открылся, причем Брюс постарался обставить это событие с максимальной помпой. На открытие собралась приличная толпа, которая с удовольствием потягивала шампанское и пиво под звуки регги и джаза, а Брюс наслаждался моментом. Он запустил свой великий проект, и его детище «Новые и редкие книги Залива» вышло на рынок.

2

Своим интересом к редким книгам Брюс был обязан случайности. Получив скорбное известие о смерти отца от сердечного приступа, Брюс отправился домой в Атланту. Вообще-то дом не был его, потому что он никогда в нем долго не жил. Скорее это было последним пристанищем отца, который часто переезжал, причем обязательно в сопровождении какой-нибудь кошмарной женщины. Мистер Кэйбл был женат дважды, оба раза неудачно, и поклялся больше не связывать себя узами Гименея, но, видимо, не мог существовать без особы, отравлявшей ему жизнь. Этих женщин привлекало его богатство, но со временем они убеждались, что после двух жутких разводов он никогда не сможет оправиться и решиться на новый брак. К счастью, по крайней мере для Брюса, последняя подруга отца недавно съехала, и теперь тут не осталось никого, кто мог бы интересоваться содержимым дома.

Пока в нем не появился Брюс. В доме – модернистском строении из бетона и стекла в престижной части города – на третьем этаже имелась большая студия, где мистер Кэйбл любил рисовать, когда не занимался инвестированием. Карьера его никогда не интересовала, и, живя на наследство, он всегда представлялся «инвестором». Позже он увлекся живописью, но его творения оказались настолько ужасными, что все галереи Атланты решительно отказались иметь с ними дело. Одну из стен студии занимали сотни книг, и сначала Брюс не обратил на них внимания. Он подумал, что книги являются просто частью декора, еще одной неудачной попыткой отца выдать себя за глубокого и начитанного человека. Однако при ближайшем рассмотрении Брюс обратил внимание на две полки, на которых стояли старые книги со знакомыми названиями. Начав с верхней полки, он стал доставать их одну за другой и внимательно разглядывать. Простое любопытство быстро уступило место совсем другим чувствам.

Все эти книги были первыми изданиями, некоторые даже подписаны авторами. «Уловка-22» Джозефа Хеллера, опубликованная в 1961 году; «Нагие и мертвые» Нормана Мейлера (1948); «Кролик, беги» Джона Апдайка (1960); «Человек-невидимка» Ральфа Эллисона (1952); «Кинозритель» Уокера Перси (1961); «Прощай, Коламбус» Филипа Рота (1959); «Признания Ната Тёрнера» Уильяма Стайрона (1967); «Мальтийский сокол» Дэшила Хэммета (1929); «Хладнокровное убийство» Трумена Капоте (1965) и «Над пропастью во ржи» Джерома Сэлинджера (1951).

Просмотрев с десяток книг, Брюс принялся складывать их на столе, а не возвращать на полку. Его первоначальное любопытство сменилось волной возбуждения, а затем жадностью. На нижней полке попадались книги и авторы, о которых он никогда не слышал, но на ней его ждало совсем уж поразительное открытие. За толстой трехтомной биографией Черчилля стояли четыре книги: «Шум и ярость» Уильяма Фолкнера (1929), «Золотая чаша» Джона Стейнбека (1929), «По эту сторону рая» Скотта Фицджеральда (1920) и «Прощай, оружие!» Эрнеста Хемингуэя (1929). Все книги были первыми изданиями в отличном состоянии и подписаны авторами.

Покопавшись в книгах еще немного, Брюс больше не нашел ничего интересного и, устроившись в старом отцовском кресле, уставился на полки. Сидя в доме, которого он практически не знал, глядя на жалкие полотна, выполненные бездарным художником, он терялся в догадках, откуда тут взялись эти книги. Раздумывая над тем, как ему поступить, когда появится его сестра Молли и они займутся организацией похорон, Брюса вдруг поразило, как мало он знал покойного отца. Да и как он мог знать больше? Отец никогда не проводил с ним время. С четырнадцати лет Брюс жил и учился в школе-интернате. На полтора летних месяца мистер Кэйбл отправлял его в лагерь парусного спорта и еще на полтора – на ранчо, приспособленное для приема отдыхающих. Брюс понятия не имел, что его отец любил коллекционировать, не считая, конечно, злосчастных женщин. Мистер Кэйбл играл в гольф и теннис, много путешествовал, но никогда с Брюсом и его сестрой, а исключительно с последней подругой.

Так откуда взялись книги? Как долго он их собирал? Имелись ли старые накладные, свидетельствовавшие об их существовании? Включит ли душеприказчик их в список других активов для передачи Университету Эмори, согласно воле покойного?

Брюса злило, что основную часть состояния отец отписал университету. Вообще-то он об этом упоминал, правда, не вдаваясь в подробности. Мистер Кэйбл возвышенно полагал, что деньги нужно вкладывать в образование, а не оставлять детям на безрассудное проматывание. Брюса не раз подмывало напомнить ему, что тот сам всю жизнь тратил деньги, заработанные другими, но указывать на это было себе дороже.

Однако сейчас ему ужасно хотелось оставить эти книги себе. Он отобрал восемнадцать самых ценных экземпляров, а остальные решил не трогать. Поддайся он жадности, на полках бы зияли дыры и бросались в глаза. Брюс

аккуратно сложил отобранные книги в картонную коробку из-под вина. Отец вел многолетнюю войну с бутылкой и, наконец, достиг перемирия в виде нескольких бокалов красного вина по вечерам. В гараже хранилось несколько пустых коробок. Брюс потратил несколько часов, перекладывая книги так, чтобы пропажа их части оказалась незаметной. Да и кто мог заметить? Насколько ему было известно, Молли ничего не читала и, главное, сторонилась отца, потому что ненавидела всех его подруг. Брюс был уверен, что в этом доме она ни разу не ночевала. Она и понятия не имела о личном имуществе отца. (Правда, через пару месяцев Молли спросила его по телефону, знал ли он что-нибудь о «старых книгах папы». Брюс заверил ее, что нет.)

Дождавшись наступления темноты, он отнес коробку в свой джип. За внутренним двориком, подъездной дорожкой и гаражом следили не меньше трех камер наблюдения, и, если у кого-то возникнут вопросы, он просто скажет, что забирал свои личные вещи. Кассеты с фильмами, компакт-диски, да что угодно. А если душеприказчик со временем начнет спрашивать о пропавших первых изданиях, Брюс, конечно, ничего про них знать не будет. И посоветует обратиться к экономке.

Судя по тому, как все складывалось, преступление было идеальным, если, конечно, вообще им являлось. Брюс же считал, что не являлось. По его мнению, ему причиталось гораздо больше. Благодаря объемному завещанию и усилиям семейных адвокатов, состояние быстро описали, причем библиотека отца нигде не фигурировала.

Так, благодаря стечению обстоятельств Брюс Кэйбл нежданно-негаданно приобщился к миру редких книг. Занявшись его изучением, он выяснил, что стоимость первой коллекции, состоявшей из восемнадцати книг, которые он забрал из отцовского дома, составляла около двухсот тысяч долларов. Брюс побоялся продавать книги, опасаясь, что об этом станет известно и к нему возникнут вопросы. Поскольку он не знал, каким образом эти книги попали к отцу, самым безопасным вариантом было подождать. Пусть пройдет время, и все уляжется. Брюс быстро понял, что в этом бизнесе успех сопутствовал только тем, кто умел ждать и обладал терпением.

3

Здание располагалось на углу Третьей улицы и Мэйн-стрит в самом центре Санта-Розы. Его построили сто лет назад для ведущего городского банка, которому не удалось пережить Великую депрессию. Затем в нем размещалась аптека, потом другой банк и, наконец, книжный магазин. Второй этаж был завален разными ящиками, коробками и картотечными шкафами, покрытыми толстым слоем пыли и совершенно бесполезными. Брюсу удалось заявить свои права и на второй этаж тоже: расчистив часть пространства, он снес пару стен, установил кровать и назвал квартирой, в которой прожил первые десять лет после открытия своего магазина. Если внизу покупателей не было, он поднимался наверх и занимался расчисткой, уборкой, покраской, ремонтом и в конечном итоге украшением своего жилья.

Август 1996 года был первым месяцем работы магазина. После торжественного открытия несколько дней в нем было людно, но постепенно интерес стал угасать. Поток посетителей иссяк, и через три недели Брюс начал задумываться, не совершил ли он ошибку. В августе чистый доход составил всего две тысячи долларов, и Брюс был близок к отчаянию. Как-никак туристический сезон на острове Камино был в самом разгаре. Вопреки советам большинства независимых книготорговцев, он решил предлагать скидку. Новые тиражи и бестселлеры предлагались на 25 процентов дешевле. Брюс перенес время закрытия с семи на девять, продлив время работы магазина до пятнадцати часов. При общении с посетителями он был похож на политика, запоминал имена постоянных клиентов и записывал их предпочтения. Он стал отличным бариста и успевал одновременно и заварить эспрессо, и рассчитать покупателя. Он убрал стеллажи со старыми книгами, в основном классикой, не пользовавшейся особым спросом, и на их месте устроил небольшое кафе.

Затем время закрытия сдвинулось еще на час – до десяти вечера. Он рассылал десятки рукописных извещений клиентам, писателям и книготорговцам, с которыми познакомился во время поездки от побережья до побережья. В полночь он часто садился за компьютер, чтобы обновить информационный бюллетень «Книг Залива». Брюс долго сомневался, не открываться ли ему и по воскресеньям тоже, как делали многие независимые книготорговцы. Ему этого не хотелось, потому что он нуждался в отдыхе и к тому же боялся, что это может выйти ему боком. Остров Камино находился в так называемом библейском крае – до десятка церквей вокруг магазина можно было добраться пешком. Но остров являлся и туристическим центром, а подавляющее большинство приезжих не интересовали воскресные утренние богослужения. Так что в сентябре он все-таки решился и открылся в 9:00 утра в воскресенье, предлагая посетителям еще теплые после типографии «Нью-Йорк таймс»,

«Вашингтон пост», «Бостон глоуб» и «Чикаго трибюн» и свежую выпечку, которую готовили в кафе по соседству. На третье воскресенье от клиентов было не протолкнуться.

В сентябре и октябре прибыль составила четыре тысячи долларов, а через полгода удвоилась. Брюс перестал беспокоиться. За год «Книги Залива» превратились в настоящую достопримечательность города и, безусловно, стали самым посещаемым магазином. Издатели и торговые представители уступили его неустанному давлению и начали включать остров Камино в рекламные туры авторов. Брюс вступил в Американскую книготорговую ассоциацию и стал принимать активное участие в работе ее комитетов. На съезде Ассоциации зимой 1997 года он встретил Стивена Кинга и уговорил его приехать на презентацию своего нового романа. Мистер Кинг подписывал книги девять часов, а очередь из фанатов выстроилась на целый квартал. Магазин продал две тысячи двести экземпляров различных произведений Кинга, и выручка составила семьдесят тысяч долларов. Это был славный день, принесший «Книгам Залива» известность. Три года спустя он был признан Лучшим независимым книжным магазином во Флориде, а в 2004 году журнал «Паблишерз уикли» назвал его «Книжным магазином года». В 2005 году после девяти лет тяжелой черновой работы Брюса Кэйбла избрали в совет директоров Ассоциации.

4

К тому времени Брюс превратился в видную фигуру города. У него имелась дюжина легких льняных костюмов, отличавшихся оттенком или цветом, которые он носил каждый день с накрахмаленной белой рубашкой с косым воротником и ярким галстуком-бабочкой, обычно красным или желтым. Его образ завершали замшевые туфли, в которых Брюс щеголял без носков. Носки он не надевал никогда, даже в январе, когда температура едва превышала ноль градусов. Густые и волнистые волосы были длинными и падали почти до плеч. Он брился раз в неделю в воскресенье утром. К тридцати годам усы и волосы тронула седина, которая его ничуть не портила.

Каждый день, когда в магазине наступало затишье, Брюс выходил на прогулку в город. Полюбезничав на почте с девушками за стойкой, он направлялся в банк, чтобы пофлиртовать с кассиршами. При открытии нового магазина Брюс обязательно являлся на торжественную церемонию, а потом заходил

пообщаться с продавщицами. Обед играл важную роль в укреплении деловых связей, и Брюс обедал в ресторане шесть дней в неделю, причем обязательно в чьем-то обществе, чтобы отнести счет на представительские расходы. При открытии нового кафе Брюс являлся первым, дегустировал все меню и флиртовал с официантками. На обед он обычно выпивал бутылку вина, после которой отправлялся немного подремать в свою квартиру на втором этаже.

Для Брюса грань между флиртом и домогательством нередко оказывалась весьма тонкой. Он был неравнодушен к женщинам, сам тоже им нравился, чем с успехом и пользовался. В этом деле неоценимую помощь оказывал тот факт, что «Книги Залива» охотно включались в маршрут авторских рекламных туров. Половина писателей, приезжавших в город, были женщинами, в основном до сорока. Они находились вдали от дома, большинство из них были незамужними, путешествовали в одиночестве и были не прочь развлечься. Приехав в его магазин и попав в его мир, они добровольно становились легкими мишенями. После выступления перед читателями и автограф-сессии, за которыми следовал продолжительный ужин, они часто поднимались с Брюсом наверх, «чтобы глубже проникнуть в мир человеческих эмоций». У него имелись свои любимицы, особенно две молодые женщины, преуспевавшие на ниве эротических детективов. Причем их новые романы выходили каждый год!

Хотя Брюс всячески стремился выглядеть образованным и начитанным плейбоем, в душе он оставался честолюбивым бизнесменом. Магазин обеспечивал ему солидный доход, но это не было случайностью. Как бы поздно он ни лег спать накануне, но каждое утро еще до семи утра обязательно оказывался внизу в футболке и шортах, где распаковывал и расставлял на полках книги, проводил инвентаризацию и даже подметал полы. Ему нравилось доставать новые книги из коробок и чувствовать их запах. Он находил идеальное место для каждого нового издания. Держал в руках каждую книгу, поступавшую в магазин, и с печалью упаковывал непроданные книги обратно в коробки для возврата издателю, предоставившего их на реализацию. Он ненавидел возвращать книги и считал это провалом и упущенной возможностью. Он очищал запасы от того, что не продавалось, и через несколько лет его номенклатура составляла в среднем порядка двенадцати тысяч наименований. Склад являл собой тесно стоявшие старые стеллажи с провисшими под тяжестью пачек книг полками, но Брюс всегда знал, где найти нужную книгу. Без четверти девять он поспешно поднимался в квартиру, принимал душ, переодевался в костюм и ровно в девять открывал магазин и приветствовал первых клиентов.

Он редко брал выходной. Брюс считал отдыхом поездку в Новую Англию, где в старых пыльных магазинах торговцев антикварными книгами мог поболтать с ними о положении дел на рынке. Он любил редкие книги, особенно американских авторов двадцатого века, и увлеченно собирал их. Его коллекция постоянно росла, и причин тому было две: во-первых, Брюсу многое хотелось приобрести, и, во-вторых, расставание с книгой причиняло ему настоящую боль. Да, он, без сомнения, был дельцом, но относился к тем, кто предпочитает приобретать и почти никогда не перепродавать. Восемнадцать украденных Брюсом «старых папиных книг» заложили отличную основу, и к сорока годам он собрал редкую коллекцию стоимостью в два миллиона долларов.

5

Когда его избрали в совет директоров Ассоциации, владелец здания умер. Брюс выкупил его у наследников и занялся перестройкой. Уменьшив размеры своей квартиры, он перевел кофейню и кафе на второй этаж. Затем убрал одну перегородку и увеличил размер детской секции вдвое. По субботам утром магазин заполнялся детьми, которые покупали книги и слушали сказки, а их молодые мамы в это время потягивали наверху кофе латте под бдительным присмотром дружелюбного хозяина. Секция редких книг удостоилась особого внимания. На первом этаже Брюс снес еще одну перегородку и оборудовал Зал первых изданий, где книги стояли на красивых дубовых полках, стены были обшиты дубовыми панелями, а пол устлан дорогими коврами. Для хранения своих самых редких книг Брюс установил в подвале специальный сейф.

Прожив десять лет в квартире на втором этаже, Брюс решил, что пора сменить жилье на нечто посолиднее. Он присматривался к старым викторианским домам в историческом центре Санта-Розы и дважды даже пытался купить один из них. Но в обоих случаях за них просили больше, чем он мог себе позволить, и дома быстро продали другим покупателям. Великолепные дома, построенные в начале века для железнодорожных магнатов, воротил перевозок, докторов и политиков, прекрасно сохранились, неподвластные времени в тени древних дубов и зарослей испанского мха. Когда миссис Марчбэнкс умерла в возрасте 103 лет, Брюс обратился к ее 83-летней дочери, жившей в Техасе. Дом обошелся ему очень дорого, но он решил не упускать подвернувшийся случай в третий раз.

Этот дом располагался в двух кварталах к северу и трех к востоку от магазина. Его построил в 1890 году врач в подарок своей хорошенькой юной супруге, и все

это время дом находился в собственности семьи. Он был огромным, в четыре этажа и общей площадью свыше восьми тысяч квадратных футов. С южной стороны к нему примыкала башня, а северную часть первого этажа опоясывала широкая веранда. Плоская крыша с разнообразными фронтонами покрыта чешуйчатой кровельной плиткой, а эркеры украшены витражами. Дом располагался в тени трех древних дубов с испанским мхом на небольшом угловом участке, огороженном белым штакетником.

На Брюса внутреннее убранство произвело удручающее впечатление: темные деревянные полы, такая же краска на стенах, потертые ковры, провисшие портьеры и пыльные шторы, обилие каминов из бурого кирпича. Большая часть мебели входила в стоимость дома, и он тут же занялся ее продажей. Древние ковры, еще сохранявшие более-менее приличный вид, отправились в магазин, где сразу внесли вклад в создание общей атмосферы, придав ей вид благородной старины. Обветшавшие шторы и портьеры не представляли ценности и были выброшены. Когда в доме не осталось мебели, Брюс нанял команду маляров, которая два месяца осветляла внутренние стены. После их ухода к делу приступил местный мастер, который два месяца дюйм за дюймом приводил в порядок дубовые и сосновые полы.

Брюс купил этот дом, потому что все его системы – водопровод, электричество, вода, отопление и вентиляция – находились в рабочем состоянии. У него не было ни терпения, ни желания затевать ремонт, который мог запросто обанкротить нового владельца. Сам Брюс не был мастеровитым и предпочитал проводить время за другими занятиями. Весь следующий год он продолжал жить в своей квартире над магазином, прикидывая, как лучше обставить и украсить дом. Тот, уже светлый и красивый, так и стоял пустым, и задача превращения его в пригодное для жизни пространство становилась пугающей. Дом являл собой величественный пример викторианской архитектуры, абсолютно неподходящей для современного и минималистского декора, в котором Брюс чувствовал себя комфортно. Он считал соответствующую архитектуре мебель аляповатой и вычурной, в окружении которой чувствовал себя неуютно.

Неужели нельзя иметь величественный старый дом, сохранив верность его первоначальному замыслу, по крайней мере снаружи, и в то же время вдохнуть в него жизнь современной мебелью и искусством? Однако совместить это у него никак не получалось, и Брюс порядком измучился, пытаясь придумать подходящий дизайнерский ход.

Он ежедневно приходил в дом и подолгу стоял в каждой комнате, неуверенно озираясь по сторонам. Неужели он совершил глупость, купив этот слишком большой и ко многому обязывающий дом, хотя толком и сам не знал, чего хочет?

6

Его спасительницей стала некая Ноэль Боннет, которая торговала антиквариатом в Новом Орлеане и сейчас ездила по стране с рекламным туром своей последней книги – красочным изданием ценой в пятьдесят долларов, какие обычно держат на столике в гостиной, предлагая полистать. Несколько месяцев назад он просматривал каталог ее издателя и был поражен, увидев фотографию Ноэль. Он привычно навел справки и выяснил, что ей тридцать семь лет, что она уроженка Нового Орлеана, хотя ее мать француженка, что разведена, детей нет и что является признанным знатоком предметов старины Прованса. Ее магазин находился на Ройал-стрит во Французском квартале Нового Орлеана, и, судя по биографии, Ноэль проводила по полгода на юге и юго-западе Франции в поисках старой мебели. Две ее предыдущие книги были посвящены как раз этой теме. Брюс внимательно ознакомился с обеими.

Для него это вошло в привычку, если не сказать, что было зовом сердца. Два, а то и три раза в неделю в его магазине устраивались встречи с авторами, на которых те подписывали читателям свои книги. К приезду автора Брюс прочитывал все, что им или ей было опубликовано. Он читал жадно, и, хотя предпочитал романы, написанные людьми, с которыми мог встретиться, подружиться и поддерживать отношения, он с меньшим пылом глотал биографии, самоучители, книги по кулинарии, истории, в общем, все и вся. Брюс считал это обязательным. Он восхищался всеми писателями, и если кто-то из них находил время посетить его магазин, пообедать, выпить и так далее, то быть в курсе его или ее творчества и поддержать разговор являлось меньшим, что Брюс мог для них сделать.

Он читал допоздна и часто засыпал с открытой книгой в руках. Он читал рано утром, потягивая крепкий кофе задолго до открытия магазина, если не надо было заниматься распаковкой или упаковкой книг. Брюс читал постоянно и днем и со временем даже выработал привычку стоять возле окна рядом с биографиями, небрежно опираясь на большую деревянную скульптуру вождя индейского племени Тимукуа, потягивать эспрессо и смотреть одним глазом на страницу, а другим на вход. Он приветствовал посетителей, находил для них

книги, беседовал со всеми, кому хотелось поболтать, иногда помогал в кафе-баре или на кассе, если в магазине собиралось много народа, но при первой возможности занимал привычное место возле скульптуры вождя, брал книгу и продолжал читать. Брюс утверждал, что прочитывал в среднем по четыре книги в неделю, и этому все верили. При приеме сотрудников на работу он отказывал всем, кто не прочитывал хотя бы двух книг в неделю.

Как бы то ни было, визит Ноэль Боннет оказался весьма знаменательным событием в плане если не принесенного встречей дохода, то уж точно той роли, которую она стала играть в жизни Брюса и «Книг Залива». Их взаимное притяжение было мгновенным и оглушительным. После быстрого и даже скомканного обеда они удалились в квартиру наверху и оторвались по полной. Сославшись на болезнь, Ноэль отменила продолжение тура и осталась в городе на неделю. На третий день Брюс привел ее в свой новый дом и с гордостью его показал. Ноэль буквально лишилась дара речи. Для дизайнера/декоратора/дилера мирового класса восемь тысяч квадратных футов пустых помещений за фасадом столь великолепного викторианского строения были подарком небес. Переходя из комнаты в комнату, она сразу же начала представлять, как нужно оформить интерьер и обставить каждую из них.

Брюс высказал несколько скромных предложений, например, установить телевизор с большим экраном здесь и бильярдный стол там, но они не нашли понимания. В Ноэль уже проснулся художник, начавший рисовать на холсте без границ. Весь следующий день Ноэль провела в доме одна, измеряя, фотографируя или просто сидя в огромной пустоте. Совершенно потеряв от нее голову, Брюс занимался магазином и с тревогой ощущал надвигающийся финансовый кризис.

Она уговорила его оставить магазин на выходные, и они вместе прилетели в Новый Орлеан. Ноэль провела его по своему стильному и тесно заставленному магазину, где каждый стол, лампа, кровать с балдахином, сундук, кресло, тумбочка, ковер, комод и большой шкаф не только представляли кусочек исторического наследия Прованса, но и идеально подходили для того или иного места в пустых комнатах викторианского дома. Брюс и Ноэль гуляли по Французскому кварталу, обедали в ее любимых местных бистро, общались с ее друзьями, провели много времени в постели, и через три дня Брюс вернулся домой один, уставший и впервые в жизни по-настоящему влюбленный. Черт с ними, с деньгами! Ноэль Боннет была женщиной, без которой он не мог жить.

7

Через неделю в Санта-Розу прибыл большой грузовик и припарковался перед пустым домом Брюса. На следующий день Ноэль руководила грузчиками. Брюс несколько раз приходил посмотреть, как идут дела, и наблюдал за происходящим с большим интересом и трепетом. Ноэль полностью отдалась творческому порыву и летала по комнатам, где по нескольку раз заставляла переставлять каждую вещь на другое место и все равно никак не могла успокоиться. Вскоре после отъезда первого грузовика прибыл второй. Возвращаясь обратно в магазин, Брюс подумал, что на Ройал-стрит, наверное, практически ничего не останется. За ужином Ноэль это подтвердила и попросила приехать через несколько дней во Францию для новых покупок. Он отказался, сославшись на приезд важных авторов и дела в магазине. В ту ночь они впервые спали в доме, на оригинальной кровати из кованого железа, которую она отыскала возле Авиньона, где у нее имелась маленькая квартирка. Каждый предмет мебели, каждый аксессуар, ковер или картина имели свою историю, и ее любовь к ним заражала. На следующий день рано утром они потягивали кофе на заднем крыльце и разговаривали о будущем, которое представлялось пока весьма неопределенным. У Ноэль была своя жизнь в Новом Орлеане, Брюс жил на острове, и никто из них не был готов к отказу от привычной жизни и переезду ради выстраивания прочных и длительных отношений. Оба чувствовали неловкость и вскоре сменили тему. Брюс признался, что никогда не был во Франции, и они стали обсуждать, как отправятся туда вместе в отпуск.

Вскоре после отъезда Ноэль Брюс получил первый счет. Его сопровождала записка, написанная ее чудесным почерком, в которой говорилось, что она не стала прибавлять к стоимости свою обычную надбавку и продала ему все практически по себестоимости. Брюс молча возблагодарил Господа за маленькие чудеса. А теперь она снова уезжает во Францию за новой порцией!

Ноэль вернулась в Новый Орлеан из Авиньона за три дня до урагана Катрина. Ни ее магазин во Французском квартале, ни квартира в Гарден-дистрикт не пострадали, но город получил смертельный удар. Заперев двери, она тут же улетела на остров Камино, где ее ждал Брюс, чтобы успокоить и утешить. По телевизору показывали жуткое зрелище – затопленные улицы, плавающие тела, пятна нефти на воде, бегство обезумевшей от ужаса половины населения, исступление спасателей, растерянность политиков.

Ноэль сомневалась, что захочет и сможет вернуться.

Постепенно она начала задумываться о переезде. Около половины ее клиентов были в Новом Орлеане, но с таким количеством беженцев она сомневалась, что ее бизнес выживет. Вторая половина была рассеяна по всей стране. Ноэль пользовалась заслуженной репутацией, и антиквариат из ее магазина заказывали отовсюду. Ее сайт пользовался популярностью. Книги тоже, и многие ее поклонники являлись серьезными коллекционерами. При ненавязчивой поддержке Брюса она убедила себя, что, если перевести свой бизнес на остров, можно не только восстановить потери, но и расшириться.

Через полтора месяца после урагана Ноэль подписала договор аренды небольшого помещения на Мэйн-стрит в Санта-Розе совсем рядом с «Книгами Залива». Она закрыла магазин на Ройал-стрит и перевезла остатки товарных запасов в новый магазин, который назвала «Прованс Ноэль». Торжественное открытие с шампанским и икрой состоялось после прибытия новой партии из Франции, и Брюс помогал его организовать и провести.

Ноэль загорелась идеей новой книги: преображение дома Марчбэнксов с помощью прованского антиквариата. У нее имелись фотографии совершенно пустых комнат, и теперь она документировала их триумфальное преображение. Брюс сомневался, что продажи книги покроют расходы на издание, но что с того? Любой ее каприз!

В какой-то момент он перестал получать счета. Он робко поднял этот вопрос, и Ноэль с приличествующим моменту драматизмом объяснила, что теперь Брюс получает максимальную скидку: ее саму! Дом по-прежнему будет его, но все, что внутри, станет их общим.

8

В апреле 2006 года они провели две недели на юге Франции. Используя ее квартиру в Авиньоне в качестве базы, они колесили по окрестным деревням и рынкам, ели блюда, которые Брюс видел только на фотографиях, пили отличные местные вина, неизвестные в Америке, останавливались в самобытных гостиницах, любовались достопримечательностями, встречались с ее друзьями и, конечно же, отбирали предметы старины для ее магазина. Брюс, с его страстью к познанию, с головой окунулся в мир деревенской французской

мебели и артефактов и вскоре мог сам распознать выгодное предложение.

Приехав в Ниццу, они решили пожениться. Причем безотлагательно.

Глава 3

Информатор

1

В чудесный весенний день в конце апреля Мерсер Манн шла по кампусу Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле, чувствуя беспокойство. Она согласилась встретиться с незнакомкой для беседы за деловым обедом только потому, что речь шла о возможной работе. По милости законодателей штата, объятых манией сокращения налогов и бюджетных расходов, через две недели Мерсер перестанет быть адъюнкт-профессором и преподавать литературу первокурсникам. Она всячески старалась добиться продления контракта, но ничего не получилось. И теперь совсем скоро она останется без работы, вся в долгах, без крыши над головой и без перспектив издаться. Ей исполнился тридцать один год, она была одинока, и жизнь складывалась совсем не так, как мечталось.

Первое из двух и весьма туманное электронное письмо от некой Донны Уотсон она получила накануне. Миссис Уотсон представилась консультантом, нанятым частным учебным заведением для поиска преподавателя литературного творчества в старших классах. Сейчас она находилась в этих краях и могла бы встретиться с Мерсер за чашкой кофе. Зарплата предлагалась порядка семидесяти пяти тысяч долларов в год, что было очень щедро, но директор школы любил литературу и хотел нанять преподавателя, уже опубликовавшего один или два романа.

На счету Мерсер имелся один роман и изданный сборник рассказов. Зарплата действительно впечатляла и была больше, чем она получала сейчас. Никаких других деталей не сообщалось. Мерсер ответила положительно и задала несколько вопросов о школе, в частности, ее названии и местоположении.

Во втором электронном письме, чуть менее расплывчатом, сообщалось, что школа находится в Новой Англии. И статус встречи был поднят «с чашки кофе» до «делового обеда». Может ли Мерсер встретиться с Донной в полдень в «Ресторане Спанки», что на Франклин-стрит рядом с университетским городком?

Мерсер со стыдом подумала, что на данный момент идея хорошего обеда привлекала ее больше перспективы преподавания старшеклассникам крутой школы. Несмотря на высокую зарплату, работа, безусловно, была понижением. Мерсер приехала в Чапел-Хилл три года назад, чтобы заняться преподаванием, а главное – завершить роман, над которым работала. Теперь ее ставку сокращают, и роман как был незавершенным, так и остался.

Едва она вошла в ресторан, как хорошо одетая и ухоженная женщина лет пятидесяти приветственно ей махнула и, протянув руку, сказала:

– Я Донна Уотсон. Рада с вами познакомиться.

Мерсер села за стол напротив нее и поблагодарила за приглашение. Официант принес меню.

Донна Уотсон не стала терять время и тут же превратилась в другую персону.

– Хочу сразу признаться, что я тут совсем по иному поводу, – заявила она. – Меня зовут не Донна Уотсон, а Элейн Шелби. Я работаю в компании, базирующейся в Битесде, штат Мэриленд.

Оторопев, Мерсер отвела взгляд и потом снова на нее посмотрела, лихорадочно соображая, как на это отреагировать.

Ничуть не смутившись, Элейн продолжала:

– Я солгала. Приношу свои извинения и обещаю, что больше такого не повторится. Тем не менее наш обед остается в силе, я его оплачиваю и очень прошу меня выслушать.

– Полагаю, у вас имелась веская причина солгать, – осторожно заметила Мерсер.

– Очень веская, и если вы простите меня за это прегрешение, я обещаю, что все объясню.

Мерсер пожала плечами и ответила:

– Я голодна, поэтому буду слушать, пока не наемся, и если к тому времени вы не снимите все вопросы, я просто уйду.

На лице Элейн заиграла самая что ни на есть располагающая улыбка. Мерсер подумала, что темные глаза и смуглая кожа выдавали ее ближневосточные корни, может, итальянские или греческие, но акцент определенно американский, типичный для Среднего Запада. Короткая стрижка седых волос была столь элегантной, что пара мужчин уже явно на нее заглядывались. Она была красивой и безупречно одетой женщиной, разительно выделявшейся на фоне обычной университетской публики.

– Но о работе я не солгала, – заверила Элейн. – Я здесь, чтобы убедить вас согласиться на работу на гораздо более привлекательных условиях, чем те, о которых я писала в письме.

– И что я должна делать?

– Писать, заканчивать свой роман.

– Который?

Подошел официант, и они быстро заказали салаты с цыплятами на вертеле и содовую. Он забрал меню и исчез, и Мерсер, помолчав, напомнила:

– Я слушаю.

– Это длинная история.

– Давайте начнем с простого – с вас.

– Хорошо. Я работаю в компании, которая специализируется на безопасности и расследованиях. Солидная фирма, о которой вы никогда не слышали, потому что

свои услуги мы не рекламируем, и у нас нет сайта.

– Мы продолжаем топтаться на месте.

– Пожалуйста, потерпите. Сейчас вы все поймете. Шесть месяцев назад банда грабителей украла рукописи Фицджеральда из Библиотеки Файрстоуна в Принстоне. Двоих поймали и держат за решеткой. Остальные исчезли. Рукописи так и не нашлись.

Мерсер кивнула:

– Об этом много писали в газетах.

– Верно. Все пять рукописей были застрахованы нашим клиентом, крупной частной компанией, которая занимается страхованием предметов искусства, ценностей и редких активов. Но об этом вы вряд ли слышали.

– Я не слежу за страховыми компаниями.

– Вам повезло. Во всяком случае, мы копаем уже полгода, тесно сотрудничая с ФБР и его Отделом по возврату редких ценностей. Давление нарастает, потому что через шесть месяцев наш клиент будет вынужден выписать чек Принстону на двадцать пять миллионов долларов. Вообще-то Принстону нужны не деньги – он хочет вернуть рукописи, которые, как вы догадываетесь, для него бесценны. У нас имелось несколько зацепок, но до последнего времени ничего перспективного. По счастью, в темном мире краденых книг и рукописей не так уж много игроков, и мы полагаем, что сейчас вышли на след конкретного дилера.

Официант принес и поставил на стол высокую бутылку минеральной воды «Сан Пеллегрино» с двумя бокалами со льдом и лимоном.

Дождавшись, когда он уйдет, Элейн продолжила:

– Это человек, с которым вы можете быть знакомы.

Мерсер непонимающе на нее уставилась и, хмыкнув, пожала плечами:

– Едва ли.

– Вы хорошо знаете остров Камино. В детстве вы ездили туда на лето, где жили у бабушки в ее коттедже на пляже.

– Откуда вам это известно?

– Вы сами об этом писали.

Мерсер вздохнула, взяла бутылку и налила воды в оба бокала, лихорадочно пытаясь понять, что имелось в виду.

– Позвольте я угадаю. Вы прочитали все, что я написала.

– Нет, только то, что было издано. Это являлось частью подготовительной работы, причем весьма приятной.

– Спасибо. Жаль, что материала оказалось так мало.

– Вы молоды, талантливы и только начинаете.

– Давайте ближе к делу. Расскажите, что вам удалось выяснить.

– С удовольствием. Ваш первый роман «Октябрьский дождь» был издан «Ньюкомб-пресс» в 2008 году, когда вам исполнилось двадцать четыре года. Продажи были приличными: восемь тысяч экземпляров в твердой обложке, в два раза больше – в мягкой, плюс электронные версии. Не бестселлер, конечно, но критики оценили очень высоко.

– «Поцелуй смерти».

– Роман был номинирован на Национальную книжную премию и стал финалистом литературной премии фонда ПЕН/Фолкнер за лучшее прозаическое произведение года.

– Но так нигде и не стал победителем.

– Не стал, но такое признание получают очень немногие романы, тем более молодых писателей. «Таймс» включила его в десятку лучших книг года. Затем вы выпустили сборник рассказов «Музыка волн», которую критики также хвалили, но, как вы и сами знаете, рассказы продаются хуже.

– Да, я знаю.

– После этого вы сменили агентов и издателей, и… ну… мир по-прежнему ждет следующего романа. А вы тем временем опубликовали три рассказа в литературных журналах, в том числе о защите черепашьих яиц на пляже со своей бабушкой Тессой.

– Так вы и о Тессе в курсе?

– Послушайте, Мерсер, мы знаем о вас все, что нам было нужно, и узнали это из открытого доступа. Мы действительно подробно вас изучили, но не копались в вашей личной жизни сверх того, что может узнать любой из доступных источников. В наш век Интернета от частной жизни мало что осталось.

Принесли салаты, и Мерсер взяла нож и вилку. Проглотив несколько кусочков, она заметила, что Элейн продолжает потягивать воду и изучающе ее разглядывать.

– А вы собираетесь есть? – наконец поинтересовалась Мерсер, не выдержав.

– Конечно.

– Так что вам известно о Тессе?

– Ваша бабушка по материнской линии. Вместе с мужем они построили пляжный коттедж на острове Камино в 1980 году. Родом они из Мемфиса, где родились и вы сами и куда вы приезжали в отпуск. В детстве и юности вы проводили с ней там все летние каникулы. Опять-таки вы сами об этом писали.

– Это правда.

– Тесса погибла во время прогулки на яхте в 2005 году. Ее тело нашли на пляже через два дня после шторма. Ее спутник и яхта пропали. Об этом писали в газетах, например, «Таймс-юньон» Джексонвилла. Согласно архивам, Тесса завещала все, включая коттедж, трем своим детям, в том числе вашей матери. Коттедж по-прежнему находится в собственности семьи.

– Верно. Я владею половиной трети и не была там с тех пор, как она умерла. Мне бы хотелось его продать, но родственники против.

– А им вообще кто-нибудь пользуется?

– О да. Тетя проводит там зиму.

– Джейн.

– Она самая. А сестра живет там летом. Просто любопытно, что вы знаете о моей сестре?

– Конни живет в Нэшвилле с мужем и двумя девочками-подростками. Ей сорок лет, и она работает в семейном бизнесе. Ее мужу принадлежит сеть кафе, торгующих мягким мороженым, и бизнес процветает. Конни защитила степень по психологии в Юго-Восточном Массачусетском университете. Судя по всему, там она и познакомилась со своим мужем.

– А мой отец?

– Герберт Манн некогда владел крупнейшим агентством по продаже «Фордов» в Мемфисе. Похоже, денег тогда было достаточно, чтобы оплатить обучение Конни в университете, не залезая в долги. Затем по какой-то причине бизнес сместился на юг, Герберт не сумел удержать его, и последние десять лет он подрабатывал скаутом для бейсбольной команды «Балтимор ориолс». Сейчас он живет в Техасе.

Мерсер отложила нож и вилку и глубоко вздохнула.

– Извините, но от всего этого мне как-то не по себе. У меня такое чувство, будто за мной следят. Что вам нужно?

– Ну что вы, Мерсер, вся информация получена самыми традиционными способами. Все, что нам известно, мы узнали исключительно из открытых источников.

– Но от этого все равно не легче. Профессиональные сыщики копаются в моем прошлом. А как насчет настоящего? Что вам известно о моей работе?

– Ваша ставка в университете сокращается.

– Значит, мне нужна работа?

– Полагаю, что да.

– Но этих сведений нет в открытом доступе. Откуда вам известно, кого нанимают или увольняют в Университете Северной Каролины?

– У нас есть свои источники.

Мерсер нахмурилась и чуть отодвинула от себя тарелку с салатом, будто потеряла аппетит. Потом скрестила руки на груди и мрачно посмотрела на миссис Шелби.

– У меня такое чувство, будто меня вываляли в грязи.

– Прошу вас, Мерсер, выслушайте меня. Знать о вас как можно больше очень важно для нас.

– Для чего?

– Для работы, которую мы предлагаем. Если вы откажетесь, мы просто исчезнем и сотрем ваш файл. Мы никогда не станем разглашать имеющуюся у нас информацию.

– И в чем заключается эта работа?

Элейн положила в рот маленький кусочек и долго его жевала. Потом сделала глоток воды и произнесла:

– Вернемся к рукописям Фицджеральда. Мы считаем, что они спрятаны на острове Камино.

– И кто может их прятать?

– Вы должны мне пообещать, что все, о чем пойдет речь дальше, останется строго между нами. На карту поставлено очень многое, и одно неосторожное слово может нанести непоправимый ущерб не только нашему клиенту, не только Принстону, но и самим рукописям.

– И кому, черт возьми, я могла бы об этом рассказать?

– Пожалуйста, просто дайте мне слово.

– Конфиденциальность требует доверия. А почему я должна доверять вам? Если честно, и вы, и ваша фирма кажетесь мне весьма подозрительными.

– Я понимаю. Но пожалуйста, выслушайте до конца.

– Хорошо, я слушаю, но только больше я не голодна. Так что вам лучше поторопиться.

– Что ж, вполне справедливо. Вы заходили в магазин «Книги Залива» в центре Санта-Розы. Он принадлежит человеку по имени Брюс Кэйбл.

Мерсер пожала плечами:

– Думаю, что да. В детстве я заходила туда несколько раз с Тессой. Опять же после ее гибели одиннадцать лет назад я ни разу не была на острове.

– Это процветающий магазин, один из лучших специализированных в стране. Кэйбл хорошо известен в бизнесе и весьма преуспевает. У него отличные связи, и в его магазин приезжает много авторов с рекламными турами.

– Я тоже должна была туда поехать с «Октябрьским дождем», но это к делу не относится.

– Что ж, тогда продолжу. Кэйбл собирает коллекцию первых изданий современных авторов и очень активно ее пополняет. Он часто занимается обменом, и у нас есть основания считать, что он хорошо на этом зарабатывает. Кроме того, к нему обращаются для реализации краденых книг, а таких людей на этом темном рынке немного. Пару месяцев назад мы вышли на его след по наводке источника, близкого к другому коллекционеру. Мы считаем, что рукописи Фицджеральда находятся у него. Он приобрел их у посредника, который хотел избавиться от них как можно скорее.

– Я действительно не хочу больше есть.

– Мы не можем к нему подобраться. Весь последний месяц мы засылали в его магазин людей, которые за ним наблюдали, следили, скрытно снимали на фото и видео, но наткнулись на глухую стену. У него на первом этаже есть большая и со вкусом обставленная комната, в которой на полках стоят редкие издания, главным образом американских писателей двадцатого века, и он с удовольствием их показывает серьезным покупателям. Мы даже пытались продать ему одну редкую книгу – первое издание первого романа Фолкнера «Солдатская награда» с автографом автора. Кэйбл, конечно, сразу сообразил, что таких книг в мире осталось всего несколько экземпляров: три из них находятся в университетской библиотеке в Миссури, а одна – в собственности наследников. При рыночной цене порядка сорока тысяч долларов мы предложили ее купить за двадцать пять тысяч. Сначала Кэйбл заинтересовался, но потом стал задавать кучу вопросов о происхождении книги. Причем толковых вопросов. В конце концов он потерял к сделке интерес и отказался. Его чрезмерная осторожность лишь усилила наши подозрения. Мы так и не сумели проникнуть в его мир, и нам нужен в нем свой человек.

– Я?!

– Да, вы. Вы знаете, что авторы часто уходят в творческий отпуск и куда-нибудь уезжают, чтобы писать. У вас идеальное прикрытие. Вы практически выросли на этом острове. У вас до сих пор есть на нем недвижимость. Вы имеете прямое отношение к литературным кругам. Ваша легенда безупречна. Вы приехали на остров на полгода, чтобы закончить книгу, которую все с таким нетерпением ждут.

– Ее ждут от силы три человека.

– Мы заплатим за эти шесть месяцев сто тысяч долларов.

На мгновение Мерсер лишилась дара речи. Потом покачала головой:

– Извините, но я не шпионка.

– А мы просим вас не шпионить, а только наблюдать. Вы будете вести себя самым обычным образом, что не вызовет никаких подозрений. Кэйбл обожает писателей. Он общается с ними, обедает, поддерживает. Многие из заезжих писателей останавливаются в его доме, который, кстати, просто потрясающий. Они с женой любят устраивать званые ужины, на которые приглашают друзей и писателей.

– А я должна ему свалиться как снег на голову, завоевать доверие и спросить, где он прячет рукописи Фицджеральда.

Элейн улыбнулась, но комментировать не стала.

– Мы сейчас в очень сложном положении, понимаете? Я представления не имею, что вы сможете узнать, но для нас любая информация на вес золота. Не исключено, что Кэйбл с женой сами на вас выйдут и даже подружатся с вами. И вы постепенно сможете оказаться в их ближнем кругу. Кэйбл любит выпить. Не исключено, что он скажет нечто лишнее, или кто-то из друзей упомянет о сейфе в подвале под магазином.

– Сейфе?

– Об этом ходят слухи, но и только. Мы же не можем заглянуть к нему на огонек и спросить об этом сами.

– А откуда вы знаете, что он любит выпить?

– На остров приезжает много авторов, а писатели, как известно, те еще сплетники. Об этом поговаривают. Вы же сами отлично знаете, какой это тесный

мир.

Мерсер подняла руки ладонями вперед и отодвинула стул.

– Извините. Но это не мое. У меня есть недостатки, но я не лгунья. Я не умею врать и точно не смогу действовать обманом. Вы ошиблись, выбрав меня.

– Подождите, прошу вас.

Мерсер поднялась, показывая, что уходит.

– Спасибо за обед.

– Мерсер, пожалуйста.

Но той уже не было.

2

Во время этого недолгого обеда солнце вдруг скрылось, и поднялся ветер. Собирался весенний дождь, и Мерсер, как всегда без зонтика, спешила попасть домой как можно быстрее. Она жила в полумиле отсюда рядом с кампусом в маленьком арендованном доме на тенистой немощеной аллее за красивым старинным зданием в исторической части Чапел-Хилла. Ее домовладелец – хозяин старинного здания – сдавал жилье только студентам-выпускникам и нищим преподавателям, работавшим по временному договору.

Мерсер успела как раз вовремя: едва она ступила на узкое крылечко, как по жестяной крыше забарабанили первые капли дождя. Она невольно обернулась, чтобы убедиться, что за ней никто не следит. Кто эти люди? Решив выбросить все это из головы, она вошла в дом, сняла туфли и, налив себе чашку чая, устроилась на диване, прислушиваясь к стуку капель и прокручивая в голове недавний разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dzhon-grishem/ostrov-kamino

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити